
Михаил Селявин
Спецкурс
по
времени

Михаил Селявин
Спецкурс по времени

https://litres.ru/74828374
SelfPub; 2026

Аннотация

Бирск, 2040 год. В первый день учёбы София видит то, чего не бывает: время замирает, а в застывшей толпе вспыхивают три лица и чужая мысль — «Мы будем вместе». Через час её и трёх незнакомых парней приглашают на закрытый спецкурс в аудиторию 312 — и открывают дверь в Тайную библиотеку, спрятанную в купеческих подземельях старого Бирска. Здесь изучают баги в коде времени: исчезающие семьи, артефакты из прошлого, девушку, которая угасает в закрытой палате, потому что её сознание застряло в чужой эпохе. Чем глубже погружаются ребята, тем яснее — свежие сбои не случайны, а у Софии своя невидимая нить в тайну города. И только Тимур — тот самый, из стоп-кадра — наполняет её дни спокойной надёжностью, которую страшно потерять. YA-роман о первой любви, дружбе и городе, который помнит больше, чем говорит.

Михаил Селявин
Спецкурс по времени

Глава 1. Стоп-кадр

Белый беспилотный кроссовер родителей плавно, почти бесшумно затормозил у широкой площади перед главным корпусом университета. Сенсорные двери с тихим шипением приоткрылись, впуская в стерильный салон прохладный утренний воздух первого сентября.

София глубоко вздохнула, крепче сжав в ладонях лямки новенького рюкзака. С заднего сиденья на неё преданно смотрел завёрнутый в защитную плёнку мощный игровой ноутбук — её главный рабочий инструмент, гордость и верный спутник, на который отец откладывал премию полгода.

— Ну, Софка, ни пуха, — подмигнул отец, оборачиваясь с водительского кресла, где в этот день он из принципа перехватил управление у автопилота. — Направление IT-аналитики в Бирске сейчас одно из сильнейших в республике. Не зря мы сюда документы подавали, даже уфимские вузы подвинули. Прорвёшься.

— К чёрту, пап, — улыбнулась София, стараясь, чтобы голос звучал бодро и уверенно.

Мама, сидевшая рядом, как всегда, порывисто повернулась и крепко обняла дочь на прощание, обдав привычным, родным запахом любимых духов с нотками бергамота и ва-

нили:

— Звони каждый день, слышишь? И не забывай нормально обедать. Общежитие у вас приличное, кампус новый, но если что не понравится — сразу говори, снимем квартиру в центре.

— Мам, всё будет отлично, я же не маленькая, — София закивала, пообещала быть аккуратной и, подхватив чехол с ноутбуком, шагнула на залитую утренним сентябрьским солнцем брусчатку.

Дверь мягко захлопнулась. Кроссовер плавно тронулся, выехал на проезжую часть и вскоре растворился в неспешном потоке электрокаров на тихой, утопающей в первой желтизне берёз бирской улице.

София осталась одна. Несколько секунд она просто стояла, привыкая к новому городу. Бирск 2040 года разительно отличался от шумной, многоуровневой Уфы: здесь старинные купеческие особняки из красного кирпича мирно соседствовали с лёгкими стеклянными пристройками университетского кампуса, а воздух пах речной прохладой с Белой и опавшей листвой.

Она повернулась к главному корпусу, где у массивного крыльца толпились сотни взволнованных первокурсников, поднялась по гранитным ступеням и на мгновение замерла у самого входа.

И вдруг мир вокруг неё словно споткнулся.

Звуки чужих голосов, звонкий смех, шелест листьев и да-

лёкий гул моторов отдалились, превратившись в глухое, подводное эхо. Время замедлилось, а затем и вовсе застыло, превращая реальность в резкий, отчётливый стоп-кадр.

Людская толпа смазалась в мутные, безликие силуэты, но в этой неподвижной массе взгляд Софии с пугающей, лазерной точностью выхватил троих парней, стоявших чуть поодаль от входных дверей.

Первый — высокий, худощавый парень в тонких очках, застывший с поднятым пальцем над экраном смартфона; на его сосредоточенном лице замерла лёгкая, почти незаметная усмешка человека, который прямо сейчас взламывает чей-то пароль. Второй — коренастый, невероятно плечистый парень в тёмной куртке-бомбере, шире которого, казалось, был только сам дверной проём; он стоял, засунув огромные кулаки в карманы, и хмуро смотрел себе под ноги. Третий — парень со взъерошенными тёмными волосами в потёртой толстовке, замерший в тот миг, когда его пальцы увлечённо крутили в воздухе какую-то старую потемневшую шестерёнку.

В голове Софии промелькнула странная, чужая и пугающе чёткая мысль: *«Мы будем вместе. Мы пройдём через ад».*

Она резко тряхнула головой, прогоняя наваждение. Мир мгновенно ожил, звуки вернулись, обрушившись на уши привычным гомоном, а троица незнакомцев как ни в чём не бывало двинулась внутрь здания, даже не оглянувшись.

София списала всё на утреннее волнение, недосып перед переездом и смену обстановки. Она глубже вдохнула, попра-

вила лямку рюкзака и поспешила в холл, где на интерактивном голографическом стенде уже светилось расписание для первого курса.

Поточная аудитория факультета информационных технологий гудела как растревоженный улей. Первокурсники рассаживались за длинными рядами столов, знакомились, обменивались контактами и шумно делились впечатлениями от поступления.

София заняла место на третьем ряду у прохода, достала блокнот и пристроила рядом чехол с ноутбуком. Справа от неё тут же плюхнулась круглолицая рыжеволосая девчонка в ярко-жёлтом свитере.

— Привет! Я Катя, из Стерлитамака, — тараторкой выпалила соседка, протягивая руку. — Ты тоже на аналитику? Говорят, у нас тут декан зверь, но зато после второго курса сразу на стажировку в уфимские технопарки забирают!

— Привет, я София, из Уфы, — улыбнулась она в ответ, чувствуя, как остатки утренней тревоги окончательно тают. — Да, на аналитику. Надеюсь, не вылетим после первой сессии.

— Да ладно тебе, прорвёмся! — махнула рукой Катя, доставая смартфон.

Но привычный, праздничный сценарий первого учебного дня был грубо нарушен.

Тяжёлая дверь аудитории резко распахнулась. Вместо улыбчивого куратора или преподавателя на кафедру быст-

рыми, тяжёлыми шагами вошёл сам директор института — Раиль Ахметович. Его обычно благодушное лицо было блёклым и напряжённым, а в руках он крепко сжимал плотную серую папку с какими-то распечатками. В аудитории мгновенно воцарилась мёртвая тишина.

— Добрый день, первокурсники, — директор коротко кивнул, даже не пытаясь изобразить дежурную улыбку. — Поздравляю с началом учебного года. Однако у нас возникли некоторые... технические накладки. В ходе финальной верификации результатов ваших вступительных испытаний и разбора цифровых портфолио система выявила ряд спорных моментов. Нам необходимо провести дополнительное экспресс-тестирование для нескольких студентов.

По рядам пронёсся испуганный, недовольный ропот. Соседка Катя нервно заёрзала на стуле и шепнула:

— Ой, мамочки, неужели списки пересматривать будут? У меня же баллы на грани...

— Пожалуйста, без паники, — директор поднял руку, призывая к тишине. — Те, чьи фамилии я сейчас назову, возьмите свои вещи и пройдите за мной в триста двенадцатую аудиторию. Остальные остаются на местах и ждут куратора. Итак... Морозов. Кириллов. Мухамадеев. И... Савельева София.

София почувствовала, как внутри всё разом похолодело. Она? Спорные моменты? Её баллы по профильной математике и анализу данных были одними из лучших на потоке,

она прошла без всяких квот и дополнительных списков!

Ловя на себе сочувственные и немного растерянные взгляды одногруппников, она убрала блокнот в рюкзак, подхватила ноутбук и поднялась с места.

— Удачи, Соф, держись там! — успела шепнуть вслед Катя.

У дверей София едва не столкнулась с тем самым худощавым парнем в тонких очках, которого видела на крыльце во время своего странного видения. Сейчас он вовсе не выглядел спокойным хакером — парень казался раздражённым, растерянным и непрерывно поправлял дужку очков.

Триста двенадцатый кабинет оказался небольшой изолированной лабораторией в самом конце старого крыла здания, куда, судя по пыльным указателям, первокурсников обычно не пускали. Когда они вошли, София замерла на пороге: за столами уже сидели человек десять студентов с других факультетов.

И среди них — те самые двое парней из её утреннего стопкадра. Взъерошенный парень в толстовке, который увлечённо разглядывал крепления лабораторного стола, и тот огромный, широкоплечий парень, который едва умещался на стандартном студенческом стуле. Громила хмуро разглядывал свои тяжёлые ладони, явно не понимая, что здесь забыл студент факультета робототехники и машиностроения.

Директор прошёл к доске, повернулся к притихшим студентам и снова раскрыл серую папку:

— Итак, господа. Я вижу ваше недовольство, и оно вполне понятно. Вы только что прошли сложнейший конкурс, поступили, и теперь вам кажется, что ваши места в университете под вопросом. Спешу вас заверить: это не так. Никто никого отчислять или переводить на платное отделение не собирается. Это тестирование носит исключительно внутренний характер. Оно необходимо нам для корректировки индивидуальной учебной программы — так сказать, для более точечного, персонального подхода к вашим талантам.

Студенты заметно расслабились, кто-то с облегчением выдохнул, хотя в воздухе всё ещё висело глухое напряжение.

— Перед каждым из вас лежит планшет, — директор указал на выключенные чёрные экраны на столах. — Авторизуйтесь под своими фамилиями. На выполнение нестандартного аналитического теста у вас ровно сорок минут. Время пошло.

София села за свободный стол и коснулась экрана.

Тест оказался до крайности странным. Никаких привычных вопросов по кодингу, алгоритмам или высшей математике. Вместо этого на экране сменяли друг друга сложные логические парадоксы, задачи на многомерное пространственное мышление, старинные буквенные шифры и странные исторические графики конца девятнадцатого века, в которых нужно было найти едва заметную математическую аномалию.

София на секунду растерялась, но тут же увлеклась — её

аналитический мозг включился на полную мощность, выхватывая скрытые связи между цифрами. Рядом с таким же тихим, сосредоточенным азартом щёлкал по экрану парень в очках. А громила на заднем ряду хоть и тяжело вздыхал, но с удивительной, пугающей скоростью чертил пальцем сложные геометрические схемы на дисплее.

Когда сорок минут истекли, планшеты синхронно погасли, издав короткий звуковой сигнал. Директор внимательно посмотрел в свой монитор, куда стекались результаты, нахмурился, словно увидел там нечто невероятное, а затем медленно поднял глаза на аудиторию.

— Спасибо. Тестирование завершено, — его голос стал тише и суше. — Я назову четыре фамилии. Этих студентов я попрошу остаться здесь. Всех остальных благодарю, вы можете быть свободны и возвращаться на свои факультеты.

В кабинете повисла напряжённая пауза.

— Мухамадеев Тимур, Юсупов Айрат, Изибаев Эрик... и Савельева София. Останьтесь.

Остальные студенты начали шумно подниматься, закидывать рюкзаки на плечи и спешно покидать кабинет, радуясь, что эта непонятная проверка для них закончилась. Через минуту тяжёлая дверь со стуком захлопнулась.

В аудитории осталось только четверо.

Они переглянулись. София почувствовала, как по спине пробежали холодные мурашки — утренний стоп-кадр с крыльца замкнулся с абсолютной, пугающей точностью. Ря-

дом сидел Тимур — чистокровный татарин с цепким, прищуренным взглядом за стёклами очков, который уже непроизвольно барабанил тонкими пальцами по столу, словно набирал невидимый код. Чуть дальше устроился Айрат — парень-башкир со взъерошенными тёмными волосами; он за секунду успел разобрать и собрать обратно автоматическую ручку, бережно разглядывая её пружинку на свету. А на заднем ряду хмурился Эрик — коренастый мариец с широким, волевым лицом, огромными плечами и тяжёлыми кулаками, который выглядел так, будто его прямо сейчас оторвали от сборки промышленного трактора на кафедре робототехники.

В этот момент массивная дверь кабинета снова скрипнула и открылась.

В лабораторию уверенным, размеренным шагом вошёл мужчина лет сорока. На нём был лаконичный тёмно-серый пиджак безупречного кроя, на запястье тускло поблёскивали дорогие, явно сделанные на заказ механические часы, а во взгляде серых глаз читалась глубокая, спокойная уверенность человека, который знает о мире гораздо больше остальных.

Директор института почтительно отступил назад, уступая ему место у кафедры.

Мужчина обвёл взглядом четверых замерших первокурсников, и на его лице появилась едва заметная, тёплая улыбка.

— Ну что ж, привет, команда, — его глубокий, спокойный

баритон заставил Софию невольно выпрямиться. — Меня зовут Матвей Иванович. И с этого дня я — ваш официальный руководитель. Уверен, у вас накопилось много вопросов, но поверьте... то, что мы начнём изучать в этих стенах, не поддаётся никакой обычной логике. Добро пожаловать в клуб.

Глава 2. Тайная библиотека

В лаборатории снова повисла тишина. Четверо первокурсников замерли на своих местах, переводя растерянные взгляды с безупречного темно-серого пиджака незнакомца на скромно стоящего у двери директора института.

Первым из оцепенения вышел Тимур. Он сердито поправил сползшие на переносицу очки и подался вперёд, всем своим видом демонстрируя скепсис человека, привыкшего доверять только цифрам и логике:

— Извините, Матвей Иванович. При всём уважении к закрытым спецкурсам и секретным клубам, у меня по расписанию сейчас должна быть первая лекция по дискретной математике. И я не совсем понимаю, на каком основании нас выдернули из потока с помощью какого-то левого теста, которого даже в учебном плане нет.

Эрик хмуро кивнул, сложив на широкой груди руки размером с хорошую совковую лопату. Его густой бас эхом отразился от белых стен лаборатории:

— Поддерживаю. У нас на машиностроении декан на общем собрании сразу предупредил: пропустите вводную

практику по технике безопасности — пойдёте на отчисление без права пересдачи. Мне эта бюджетная стипендия не с неба упала, у меня нет времени на студенческие розыгрыши.

Айрат промолчал, но его пальцы, только что собиравшие пружинку от ручки, замерли — он тоже ждал ответа, с любопытством и лёгким недоверием прищурившись на незнакомца.

Матвей Иванович совершенно невозмутимо выслушал парней. На его лице не дрогнул ни один мускул. Он неспешно подошёл к высокому окну лаборатории, за которым шумел современный Бирск — по проспекту бесшумно скользили электрокары, а вдали, за крышами старых купеческих домов, серебрилась лента реки Белой, — и мягко, почти по-отечески улыбнулся:

— Никого из вас не отчислят, молодые люди. Более того, ваши зачётные ведомости по профильным дисциплинам уже закрыты на весь первый семестр вперёд по высшему разряду. Раиль Ахметович в курсе и полностью поддерживает нашу программу.

Директор института у двери молча, но веско кивнул, подтверждая слова гостя.

— Вы здесь не из-за ошибки расписания, — продолжил Матвей Иванович, оборачиваясь к ним. — Вы здесь потому, что ваши планшеты во время тестирования выдали нестандартный когнитивный отклик. Вы за сорок минут решили задачи, которые обычный, даже самый тренированный чело-

веческий мозг воспринимает как системную ошибку или белый шум.

Он сделал пару шагов к первому ряду и посмотрел прямо в серые глаза Софии:

— Особенно вы, София. Ведь вы увидели их ещё на крыльце главного корпуса, верно? До того, как переступили порог здания и услышали свои фамилии.

София вздрогнула так, что лямка рюкзака больно резанула плечо. В груди мгновенно похолодело. Откуда он может знать про её утреннее наваждение? Она ведь никому ни слова не сказала — ни отцу, ни новой соседке Кате, ни самому себе вслух!

— Откуда… — пересохшими губами начала она, инстинктивно вжимаясь в спинку стула. — Это просто совпадение. Усталость с дороги...

— Время — это не прямая линия, по которой мы катимся из точки А в точку Б, — мягко перебил её Матвей Иванович, направляясь к массивной задней стене лаборатории, заставленной старыми гудящими серверами и пыльными системными блоками. — Это код. Сложный, многослойный, самообучающийся код с кучей багов, костылей, заплаток и скрытых директорий. И иногда, в точках наибольшего напряжения, в этом коде случаются прорывы. Ваше сознание на долю секунды поймало отголосок будущего паттерна.

Он остановился перед невзрачной серой пластиковой панелью, зажатой между двумя старыми серверными шкафа-

ми, и приложил к ней правую ладонь.

Раздался тихий, мелодичный писк. Внутри панели с жужжанием открылась крошечная шторка, и тонкий голубой луч скрытого оптического сканера пробежал по сетчатке глаза куратора. В глубине стены что-то тяжело, металлически щёлкнуло. Огромный серверный шкаф, весивший, на вид, не меньше тонны, плавно и бесшумно отошёл в сторону по скрытым рельсам, открывая глубокую, уходящую круто вниз каменную лестницу.

Из тёмного проёма повеяло сырой прохладой, запахом старой бумаги, пчелиного воска, речной извести и чего-то неуловимо древнего, забытого.

Айрат, до этого момента молча крутивший в руках пружинку от ручки, замер с приоткрытым ртом, вскочил со стула и восторженно присвистнул:

— Ничего себе техно-магия… Гляньте на свод! Это же ручная кирпичная кладка середины девятнадцатого века, на известковом растворе! Откуда она под современным корпусом?

— Всё просто, Айрат, — Матвей Иванович достал из внутреннего кармана пиджака небольшой матовый тактический фонарь. — Наш главный корпус стоит на фундаменте старого Бирского Реального училища. А это — старинный купеческий подземный ход, который когда-то связывал верхний город с торговыми складами и пристанью у реки Белой. Долгие годы он считался заваленным. Включайте фонарики

на смартфонах и идите за мной. Добро пожаловать в Тайную библиотеку.

Директор института тем временем тихо вышел из лаборатории, плотно прикрыв за собой дверь в коридор.

Первокурсники переглянулись. Вся прежняя настороженность и желание спорить из-за пропущенных лекций растворились без следа — их сменил чистый, жгучий исследовательский азарт. Первым в проём шагнул Айрат, за ним, поправляя очки, двинулся Тимур, следом пошла София, а замыкал шествие Эрик.

Они спускались под землю в полной тишине, нарушаемой лишь гулким эхом шагов и потрескиванием старых ступеней. Коридор оказался узким и низким — Эрику из-за его богатырских габаритов приходилось то и дело пригибать голову и продвигаться боком, едва не задевая плечами влажную известковую побелку.

Через пару десятков метров ступени закончились, узкий лаз неожиданно расступился, и ребята оказались в огромном, величественном круглом зале.

Здесь не было окон, но вдоль кирпичных сводов потолка тянулись мягкие светодиодные ленты тёплого спектра, освещая уходящие ввысь массивные деревянные стеллажи из тёмного дуба. На полках соседствовали, казалось, совершенно несовместимые эпохи: пузатые дореволюционные амбарные книги Бирского уезда, пожелтевшие тубусы с чертежами старых винокуренных заводов, современные кванто-

вые серверные стойки, мерно мигающие синими индикаторами, и странные латунные приборы за толстым бронированным стеклом.

Матвей Иванович прошёл в самый центр зала, где стоял большой дубовый рабочий стол, заваленный распечатками программных кодов, старинными картами Уфимской губернии и планшетами. Он повернулся к замершим в восхищении первокурсникам:

— Располагайтесь, осваивайтесь. Знаю, у вас в головах сейчас настоящая каша. Но первое и главное правило нашего клуба звучит так: всё, что вы здесь увидите, прочитаете и услышите, никогда и ни при каких обстоятельствах не должно выйти за пределы этих стен. Наш университет — это не просто образовательный центр. Это официальное прикрытие для закрытой исследовательской группы.

— И что именно мы тут исследуем, если не секрет? — Тимур осторожно поправил очки, с профессиональным интересом разглядывая мигающие серверные стойки в нишах. — Для обычного дата-центра тут слишком много... антикварной макулатуры.

— Мы изучаем локальные темпоральные аномалии, — спокойно и весомо ответил Матвей Иванович. — И сразу предупрежу: я не выдам вам сегодня ключи от главных загадок вселенной. Вы пока всего лишь первый курс. Ваша задача на этот семестр — познакомиться с базой, с тем, что наша группа уже успела изучить, систематизировать и закрыть за

последние десятилетия.

Он подошёл к ближайшему стеллажу и указал на герметичную стеклянную витрину, внутри которой под мягким светом ламп лежал потемневший купеческий перстень с полустёртой печаткой и старая раскрытая тетрадь в коленкоровом переплёте, исписанная выцветшими чернилами.

— Бирский уезд исторически был точкой излома, — Матвей Иванович обвёл рукой круглый зал. — Здесь веками происходили вещи, которые официальная наука списывала на суеверия, уездную мистику или массовые галлюцинации. Вот, например, купеческие и полицейские архивы конца девятнадцатого века. Наши предшественники по крупицам собирали рапорты исправников и свидетельства очевидцев. Здесь задокументированы случаи, когда целые крестьянские обозы въезжали в село Ангасяк, а оказывались на торговой площади Бирска на три дня раньше своего выезда. Или когда при распашке полей находили металлические детали, которые по всем законам промышленности будут произведены только через полвека.

Айрат подошёл почти вплотную к витрине, жадно разглядывая старую тетрадь за стеклом:

— И эти... аномалии. Они материальны? Их можно просчитать через физику и механику?

— Можно и нужно. И это как раз ваш рабочий уровень на ближайшие месяцы, — Матвей Иванович одобрительно кивнул. — Предыдущие курсы уже проделали колоссальную

работу. Они оцифровали эти архивные свидетельства, перевели их в математические модели и выявили базовые закономерности. Вам предстоит досконально изучить их отчёты, понять логику «сбоев» старого Бирска и научиться работать с нашими поисковыми алгоритмами. Проще говоря, вы будете учиться отличать обычную историческую древность от артефакта, который оставил реальный след в коде времени.

Эрик, до этого молча рассматривавший массивные своды зала и проверявший взглядом прочность дубовых балок, глухо спросил:

— А если мы найдём что-то, что ещё не изучено? Ну, свежий сбой, прямо сейчас?

Взгляд Матвея Ивановича на долю секунды стал ледяным и предельно серьёзным, а его правая рука непроизвольно коснулась внутреннего кармана пиджака, где под плотной тканью угадывалось очертание чего-то тяжёлого и округлого. Но куратор тут же взял себя в руки и вернул на лицо прежнюю спокойную улыбку:

— Для работы в поле вам нужно сначала сдать зачёт по базовой теории, Эрик. Свежие, нестабилизированные артефакты — это смертельно опасные вещи. До них мы дойдём только тогда, когда я буду на сто процентов уверен, что вы не сотрёте себя из реальности при первом же сканировании. А пока — подходите к столу, разбирайте рабочие планшеты с первыми учебными кейсами. Начнём с разбора аномальных сбоев на старом Ангасякском винокуренном заводе.

Никто из четверых не двинулся с места. В круглом подземном зале повисла напряжённая пауза, нарушаемая лишь тихим, мерным гулом серверных стоек.

Первой нарушила молчание София. Она крепче сжала лямку рюкзака и посмотрела прямо в глаза куратору:

— Подождите, Матвей Иванович. А почему вообще мы? Мы же обычные первокурсники, только сегодня из дома приехали. Разве у государства нет целых институтов, лабораторий, взрослых учёных со степенями, которые должны разгребать эти ваши «баги во времени»?

— И правда, — мгновенно поддержал её Тимур, нервно поправляя очки и скрещивая руки на груди. — Я сюда поступал, чтобы писать крутой софт, выиграть пару хакатонов и уйти в крупную IT-компанию. Мне эта ваша купеческая чертовщина сто лет не сдалась. А если мы не хотим? Если мы просто развернёмся, поднимемся по лестнице и пойдём на обычные лекции? Вы нас тут запрете?

Эрик хмуро кивнул, шагнув чуть ближе к товарищам, словно готовый прикрыть их спины, если разговор примет крутой оборот. Даже увлечённый механикой Айрат отвлёкся от стеклянной витрины и выжидающе посмотрел на руководителя.

Матвей Иванович не рассердился и не повысил голоса. Он лишь медленно опёрся ладонями о край дубового стола и грустно, понимающе усмехнулся:

— Силой держать вас здесь никто не станет, Тимур. Дверь

наверху открыта, и подписку о неразглашении я из вас клещами вытягивать не буду — всё равно без доказательств вам в городе никто не поверит, только пальцем у виска покрутят. Вы можете прямо сейчас подняться наверх и жить самой обычной студенческой жизнью.

Куратор сделал короткую паузу и обвёл взглядом каждого из четверых:

— Вот только есть одна проблема. Взрослые учёные со степенями для этой работы не годятся. Их мозг слишком закостенел, он намертво зашит в рамки классической физики и привычной логики. Когда взрослый профессор видит временной сбой, его сознание просто блокирует картинку, списывая всё на галлюцинацию или ошибку приборов. Видеть трещины в коде реальности способен только молодой, гибкий ум с особой нейронной пластичностью. Таких людей рождается единицы на миллион. И по невероятному стечению обстоятельств все четверо в этом году поступили именно в наш университет.

В зале снова стало тихо. Ребята переглянулись. Слова куратора не звучали как дешёвая лесть — в них чувствовалась тяжёлая, выстраданная правда человека, который долгие годы искал тех, кто сможет его понять.

— Я не прошу вас спасать мир прямо сегодня, — мягко добавил Матвей Иванович. — Просто посмотрите материалы. Если к концу недели решите, что это не ваше — уйдёте без всяких последствий. Договорились?

Тимур фыркнул, но любопытство программиста перед неразгаданной системой явно перевесило упрямство. Эрик медленно разжал кулаки и коротко кивнул.

София ещё секунду колебалась, а затем первой шагнула к столу, взяла холодный матовый планшет и коснулась экрана. По тёмному дисплею тут же побежали строчки оцифрованных архивных документов, метрических выписок и сложных волновых графиков. Ей настойчиво казалось, что Матвей Иванович всё равно что-то недоговаривает, а главная, самая тёмная тайна этой подземной библиотеки по-прежнему надёжно спрятана от их глаз.

Глава 3. Оглобля из ниоткуда

Матвей Иванович подошёл к центральному голографическому монитору и коснулся сенсорной панели, выводя первый файл из закрытой архивной базы. На широком тёмном экране, стилизованном под пожелтевшую от времени тряпичную бумагу, плавно побежали ровные строчки оцифрованного рукописного текста с вставками дореволюционной орфографии.

— Начнём с классического, хрестоматийного кейса тысяча восемьсот восемьдесят четвёртого года, — произнёс руководитель, увеличивая контрастность изображения. — Случай официально зафиксирован в секретном рапорте бирского уездного исправника на имя уфимского губернатора. Читайте внимательно, обращайте внимание на детали.

София подалась вперёд, вглядываясь в светящиеся строч-

ки и привычно сканируя текст в поисках зацепок.

«...В селе Анастасьино местный пчеловод Макар и прочие благонадёжные свидетели из числа крестьян под страшной присягой уверяли, что в ясный, совершенно безветренный полдень видели, как огромная дубовая тележная оглобля, лежавшая у сарая, вдруг сама собой поднялась в воздух и начала "плавать по ветру", точно лёгкая берестяная щепка в весеннем ручье. Внезапно скорость её движения так разошлась, что тяжёлый деревянный брус со свистом перелетел через двор, насквозь пробил толстый тесовый забор и жестоко покалечил самого местного помещика Анастаса Николаевича, как раз в ту минуту выходившего с крыльца барского дома. За что барин, придя в чувство, опосля приказал немедленно изловить пчеловода, обвинив его в чёрном колдовстве и порче, однако же при обыске в избе ничего зазорного не сыскалось, а сам Макар божился, что стоял в десяти саженях и руками к оглобле не прикасался...»

— Ничего себе... — тихо присвистнул Айрат, подаваясь ближе к экрану. — Дубовая оглобля весит пуда полтора-два, не меньше. Чтобы она пробила тесовый забор насквозь, ей нужно придать начальное ускорение как у пушечного ядра. Без пороха и рычага в девятнадцатом веке это чистая фантастика.

— А ты посмотри на траекторию, — тут же включилась София, нахмурившись и проводя пальцем по графику на своём планшете. — В рапорте сказано: сначала она «плавала

по ветру, точно щепка», а потом мгновенно набрала убойную скорость. Это не похоже на взрыв. Это выглядит так, будто вектор гравитации в одной локальной точке сначала обнулился, а потом резко развернулся в горизонтальную плоскость.

— И заметьте, — добавил Тимур, щёлкая стилусом по своему экрану, — удар пришёлся строго в тот момент, когда помещик вышел на крыльцо. Будто кто-то целенаправленно подгадал тайминг, но промахнулся на полсекунды, поэтому оглобля только покалечила барина, а не...

Договорить ни Тимур, ни Матвей Иванович не успели.

В гулкой тишине подземного зала резко, пронзительно и требовательно зазвонил смартфон куратора. Мелодия звучала тревожно, словно сигнал сирены.

Матвей Иванович мгновенно нахмурился, достал аппарат из внутреннего кармана пиджака, взглянул на закрытый номер на экране и приложил трубку к уху.

— Слушаю, — коротко бросил он.

Несколько секунд он молчал, слушая быструю, взволнованную речь на другом конце провода. С каждым услышанным словом лицо руководителя становилось всё более блёклым и напряжённым. София заметила, как побелели костяшки его пальцев, сжимающих корпус смартфона, а на скулах заходили желваки.

— Да. Я всё понял, — глухо, взволнованно вымолвил Матвей Иванович. — Не подпускайте к ней местных врачей

с тяжёлыми препаратами до моего приезда. Уже выезжаю. Буду в Уфе через час.

Он сбросил вызов, сунул телефон в карман и резко повернулся к притихшим первокурсникам. В его серых глазах больше не осталось ни следа прежней мягкой, наставнической улыбки — только жёсткая, почти армейская собранность.

— Планы меняются. Студентам категорически запрещено находиться в Тайной библиотеке без моего личного присутствия. Забирайте выданные планшеты, живо все наверх, в аудиторию.

Спорить с таким тоном никто не решился. Ребята послушно, гуськом поднялись по крутой каменной лестнице обратно в изолированную лабораторию триста двенадцать. Стоило последнему Эрику протиснуться в проём, как тяжёлый серверный шкаф с глухим, лязгающим щелчком встал на место, намертво запечатав проход в подземелье.

Матвей Иванович быстрыми движениями накинул плащ, на ходу проверяя в кармане тяжёлый, округлый предмет и служебные документы.

— Я должен срочно уехать по неотложному делу, — бросил он, уже распахнув дверь в коридор. — Вы остаётесь здесь до конца пары и продолжаете изучать оцифрованные рапорты по Анастасьино на планшетах. Из кабинета никуда не уходить, лишнего шума не поднимать. На вашем уровне допуска в этом крыле здания вас никто не побеспокоит. Скоро вер-

нусь.

Дверь захлопнулась, и стремительные, твёрдые шаги куратора быстро затихли в гулком университетском коридоре.

В лаборатории повисла возмущённая, наэлектризованная пауза.

Тимур со злостью швырнул стилус на стол, откинулся на спинку стула и нервно поправил очки:

— Ну конечно! Классика жанра! Сто пудов сорвался на какое-то реально живое, горячее задание в поле — вы слышали, он сказал «в Уфу» и «не подпускайте врачей»?! — а нас оставил тут в четырёх стенах зубрить эту историческую макулатуру! Мы же не тупые школьники, мы бы и сами на объекте по ходу дела во всём разобрались!

— Прекрати, Тимур, — строго парировала София, хотя у неё самой внутри всё кипело от любопытства и недосказанности. Она открыла выданный планшет, пытаясь сосредоточиться на графиках. — Мы здесь первый час, мы вообще ничего не знаем. Это не студенческая олимпиада по программированию, тут законы физики ломаются и людей калечит.

— Да ерунда, справились бы на раз-два, — упрямо фыркнул он, скрещивая руки на груди. — Главное — ввязаться в процесс, а там бы логику аномалии по логам вычислили. Тем более в кейсе восемьдесят четвёртого года файл обрывается на самом интересном месте! Что там дальше с этим пчеловодом Макаром случилось? И почему внизу на столе лежали те странные приборы под стеклом?

— Эй, хакеры, хватит воздух сотрясать, лучше гляньте-ка сюда, — раздался тихий, до крайности увлечённый голос Айрата со стороны массивной серверной стойки.

София обернулась и обомлела. Пока они с Тимуром спорили, Айрат уже сидел на корточках перед потайной пластиковой панелью и с азартом ювелира ковырялся в её узких технологических пазах тонким стальным щупом, вытащенным из кармана толстовки. Рядом на полу светился его планшет, на экране которого горел подробный инженерный чертёж электромеханического замка, который он откуда-то успел вытянуть из локальной сети.

— Ты что творишь, Айрат?! Нам же русским языком сказали не лезть! — испуганно прошептала София, оглядываясь на дверь в коридор.

— Я просто проверяю гипотезу и подбираю варианты, — азартно блеснул тёмными глазами Айрат, ловко шевеля пальцами внутри вскрытого корпуса панели. — Гляньте, какая красота: тут старинный механический затвор дублирует современную цифровую биометрию. Сделано кустарно, но с душой. Если аккуратно обойти контактное реле...

— Тормози, железячник, — Тимур мгновенно забыл про свою обиду, соскочил со стула, подлетел к Айрату и заглянул через его плечо. — Ты не с той стороны заходишь. Смотри, там на оптическом сканере стоит старый промышленный контроллер. Если мы пустим зацикленный пинг через сервисный порт, система подумает, что Матвей Иванович всё

ещё прикладывает ладонь и сканирует сетчатку. Дай-ка сюда кабель, я накину пару строчек обходного кода.

— Только не через прямой перебор! — София сама не заметила, как за секунду заразилась их общим безумным студенческим азартом. Она подскочила к парням и присела рядом, вглядываясь в бегущие на планшете строчки доступа. — Если пойдёте в лоб, сработает протокол безопасности и нас заблокирует намертво. Нужно мягко войти в программу через административный диагностический режим, чтобы система приняла это за плановую проверку!

Новая информация о летающих оглоблях, сломанных векторах времени и срочном вызове в Уфу так сильно поразила их молодые, жадные до тайн умы, что усидеть на стульях было выше человеческих сил. Им до дрожи хотелось узнать, что скрывается в следующих папках архива и что именно недоговаривает куратор. Они хотели ещё.

Пока трое интеллектуалов шумно спорили шёпотом, перебирая скрипты, шифры и кинематические схемы затвора, сзади раздался тяжёлый, оглушительный вздох.

Эрик, до этого молча стоявший у окна и наблюдавший за воробьями на ветке берёзы, медленно подошёл к сгрудившейся у стены троице. Его широкая, монолитная фигура полностью загородила свет от потолочных ламп. Он сверху вниз посмотрел на Айрата с тонким стальным щупом, затем на Тимура со смартфоном, на Софию с планшетом и медленно покачал головой, давая понять, как сильно ему наскучили

их заумные технарские дебаты.

— Технари... — глухо и иронично пробасил Эрик, разминая пальцы. — Вы на потолок-то гляньте. Это старинная стена позапрошлого века, купеческая кладка. Вы со своими планшетами и кодами тут до самого вечера копаться будете, пока куратор из Уфы не вернётся.

Он бесцеремонно, но аккуратно отодвинул замерших ребят в стороны, подошёл вплотную к кирпичному простенку рядом с серверным шкафом и на пару секунд зажмурился, приложив широкую ладонь к шершавой поверхности, словно прислушиваясь к скрытому ритму камня. Затем Эрик плавно развернул корпус и с чудовищной, выверенной силой впечатал свой огромный, как кувалда, кулак точно в центр одного из потемневших кирпичей старинной кладки.

Хрусь!

Кирпич с глухим, каменным скрежетом ушёл вглубь стены на пару сантиметров. Внутри старой кладки что-то тяжело и радостно звякнуло, скрытая цепная передача пришла в движение, и огромный серверный шкаф без всякого электронного писка и сканирования сетчатки послушно и плавно отъехал в сторону. По каменной лестнице снизу снова потянуло сырой прохладой, запахом воска и вековой тайной.

Эрик невозмутимо отряхнул ладонь от рыжей кирпичной крошки и посмотрел на застывших с открытыми ртами друзей:

— Есть только один нормальный ключ. Идём!

Глава 4. Ледяное окно из Касева

Каменная лестница встретила их сырым, вековым холодом, от которого сразу потянули мурашки по спине. Как только Эрик, в очередной раз развернувшись боком и пригнув голову, протиснулся сквозь низкий кирпичный проём, тяжёлый серверный шкаф наверху с глухим, лязгающим стуком встал обратно на место.

В узком коридоре мгновенно стало темно, лишь слабый, рассеянный отсвет снизу выхватывал из мрака неровные края старинной кладки. София невольно обернулась на закрывшийся проход — путей назад без помощи Матвея Ивановича больше не было.

В круглом подземном зале по-прежнему мягко горели светодиодные ленты вдоль сводов, ровно гудели серверные стойки. Но теперь, без спокойного, уверенного голоса куратора, это место казалось совсем другим — огромным, чужим и полным затаившихся, непонятных угроз.

Впрочем, парней это ничуть не смутило. Оказавшись в Тайной библиотеке без присмотра старших, они тут же разорвали строй и, как истинные первокурсники, с лихорадочным азартом первооткрывателей разбежались по залу.

Айрат мгновенно прилип к стеклянной витрине со старинными латунными реле, зубчатыми колёсами и пожелтевшими чертежами винокуренного завода, увлечённо водя носом почти вплотную к стеклу. Тимур бросился к мигающей синими огнями серверной стойке, на ходу вытаскивая

из кармана джинсов гибкий кабель-переходник для подключения смартфона. Эрик неторопливо, по-хозяйски побрёл вдоль высоких дубовых стеллажей с тяжёлыми амбарными книгами, то и дело осторожно трогая огромным пальцем массивные кожаные переплёты и проверяя на ощупь крепость старинных железных скоб.

София осталась стоять в центре зала. В отличие от парней, её аналитический ум не цеплялся за отдельные детали, а привычно фиксировал общую картину, связывая разрозненные элементы в единую систему. Она медленно обходила помещение, разглядывая расставленные по углам старинные вещи, окованные железом купеческие сундуки, странные измерительные приборы под колпаками и развешанные на каменных стенах картины.

Взгляд её зацепился за странный экспонат у северной стены — идеальную, написанную маслом копию «Чёрного квадрата» Малевича в тяжёлой, нелепой здесь дореволюционной раме с позолотой. Зачем в тайном архиве темпоральных аномалий авангард начала двадцатого века? Неужели под слоем чёрной краски спрятан какой-то иной рисунок или сбой?

Но главный шок ждал её у центрального рабочего стола из тёмного мореного дуба.

Под массивным, герметичным стеклянным куполом лежала пустая, глубоко примятая в центре бархатная подушечка ярко-красного цвета. Самого предмета на ней не было, хотя тонкая пыль вокруг подставки говорила о том, что купол

поднимали совсем недавно. Рядом, прикрученная к дубовой столешнице, виднелась латунная табличка с выгравированным строгим описанием:

«Опаснейший артефакт. Рабочее название — "Часы Жадовского". Код доступа: 355. Изъят из локальной петли Ангасякского уезда. Хранить строго в изолированном контуре».

София нахмурилась, чувствуя, как внутри нарастает холодная тревога. Почему их нет на месте? Куда делся этот «опаснейший артефакт»? В памяти мгновенно всплыл жест Матвея Ивановича перед отъездом — то, как куратор судорожно сжимал что-то тяжёлое и круглое во внутреннем кармане пиджака, когда ему позвонили из Уфы...

Её лихорадочные мысли прервал звонкий, ироничный смех Тимура из дальнего угла зала:

— Ха-ха! Серебряный грош! Ребята, гляньте-ка сюда, это вообще что за музейный развал? Хранители времени, блин, собирают мелочь по карманам!

Тимур стоял возле выдвинутого деревянного ящичка в одном из нижних стеллажей, держа двумя пальцами крошечный, потемневший от времени серебряный кругляк.

— Где откопал? — Айрат мгновенно оторвался от своих латунных реле и подскочил к нему.

Эрик неторопливо подошёл следом, сверху вниз снисходительно разглядывая старинную дореволюционную монетку в тонких пальцах кодера.

— Тим, положи на место, — тревожно крикнула София от центрального стола. — Нам запретили трогать экспонаты!

— Да ладно тебе, Соф, это же обычная монетка, вон на ящике бирка висит: «Изучено, угрозы нет», — отмахнулся Тимур, вертя кругляк на свету.

— Ну-ка, дай позырить поближе, — Эрик хулигански, по-пацански шлёпнул Тимура снизу по тыльной стороне ладони.

— Эй! Осторожнее, медведь! — пискнул Тимур, дёрнув рукой.

Онемевшие от внезапного щелчка пальцы разжались. Серебряный грош взмыл в воздух, описал короткую блестящую дугу и с тихим, певучим металлическим звоном отлетел прямо на соседнюю каменную стену, ударившись о старинную картину в массивной резной раме. На холсте масляными красками было искусно, с тёплой бытовой точностью изображено глубокое деревянное окно старой избы, широкий струганый подоконник и дремлющий на нём пушистый серый кот.

То, что произошло в следующую секунду, заставило Софию вскрикнуть, а парней — намертво застыть на месте, забыв, как дышать.

В то самое мгновение, как потемневший грош коснулся холста, пространство вокруг резной рамы коротко и сильно завибрировало, словно натянутая струна. Нарисованное на картине окно вдруг с тихим, зловещим треском пол-

ностью покрылось толстой, искрящейся коркой морозного инея, будто в тёплое подземелье ворвалась лютая уральская зима. А затем центр обледеневшего холста стремительно растаял, превратившись в кристально прозрачное, живое стекло.

Сквозь него, как сквозь камеру высокого разрешения, открылся вид на точно такую же круглую подземную комнату с кирпичными сводами, в которой они сейчас стояли. Вот только в ней не было светодиодных лент и гудящих современных серверов. В густом полумраке, прижавшись к массивному столу, при неровном свете тусклой керосиновой лампы сидел молодой парень лет двадцати. Лицо его было мертвенно-бледным, сосредоточенным и исцарапанным, тёмные волосы спутались, а в дрожащей правой руке он держал острое гусиное перо. Парень лихорадочно, ломая и меняя перья, чертил на разложенном желтоватом пергаменте какие-то сложные, пугающие геометрические схемы, то и дело испуганно, затравленно оглядываясь на уходящую вверх деревянную лестницу.

— Это... это что за стрим из прошлого?! — заикаясь, сипло вымолвил Тимур, вжимаясь спиной в дубовый стеллаж.

— Грош! Это грош замкнул контур! — азартно, перекрывая гул, заорал Айрат. — Эрик, отдирай его, пока всю систему к чертям не закоротило!

Эрик, мгновенно сообразив, какую кашу заварил своей шуткой, с глухим ругательством бросился к холсту. Он упёр-

ся ногами в каменный пол, схватился своими огромными, как клещи, пальцами за крошечную серебряную монетку, которая намертво, словно приваренная, вросла в поверхность картины, и с чудовищным, натужным хрипом рванул её на себя.

Мышцы на его широких плечах вздулись под тканью бомбера, на шее проступили вены. Казалось, сама ткань времени сопротивляется ему, не желая отпускать ключ. С большим трудом, со страшным, леденящим душу скрежетом Эрик буквально отвоевал грош у пространства, оторвав его от холста.

Живая картинка внутри рамы мгновенно схлопнулась. Толстый лёд растаял без единой капли воды, и на каменной стене снова мирно повис обычный, неподвижный холст с дремлющим на подоконнике серым котом.

Эрик стоял у стены, тяжело, с присвистом дыша, и растерянно разглядывал зажатый в огромном кулаке серебряный грош. От старой монетки всё ещё исходило едва уловимое, ласковое человеческое тепло.

— Так, народ... — Тимур первым обрёл дар речи, хотя его голос заметно дрожал, а тонкие пальцы судорожно поправляли очки. — Я, конечно, кодер, а не экстрасенс и не фанат мистики. Но это был самый жуткий и высокотехнологичный зум-созвон в моей жизни. Что это, чёрт возьми, сейчас было?

— Это была материализация темпорального оттиска, — подал голос Айрат. Железячник уже сидел на коленях у под-

ножия картины, с горящими от восторга глазами изучая стык резной рамы и каменной кладки. — Помните, что говорил Матвей Иванович? Артефакты оставляют реальный след в коде времени. Этот грош... он сработал как механический ключ активации для скрытого видеофайла, зашитого прямо в структуре холста!

София медленно подошла к Эрику и осторожно, едва касаясь пальцами, взяла у него из ладони старинную монету. На потемневшем от времени серебре чётко виднелась искусная, тонкая вязь, похожая на морозный узор на зимнем стекле. Но в нос Софии вдруг ударил странный, совершенно неуместный в сыром подземелье запах. Пахло церковным ладаном, сухой берестой и пронзительной зимней свежестью.

— Я... я не понимаю, — София покачала головой, не отрывая взгляда от монеты. — Тот парень в окне был бледным, перепуганным, в каком-то старом суконном кафтане. И он чертил схемы гусиным пером. Но почему этот грош лежал в ящике с обычной бумажной биркой «Изучено, Касёво, 1880-е»?

— А вот это мы сейчас и выясним за две секунды, — решительно заявил Тимур.

Азарт исследователя окончательно победил в нем первобытный страх. Он подскочил к центральному квантовому терминалу, мимоходом бросив тревожный взгляд на пустую красную подушку с кодом «355», и яростно застучал по сенсорной клавиатуре:

— Раз Матвей Иванович оставил нас здесь без присмотра и запретил логиниться под своими именами, мы зайдём с чёрного хода. Я зациклю поисковый скрипт по ключевым словам «Грош» и «Касёво». Если этот артефакт оцифрован предыдущими курсами, в локальной базе обязан лежать полный лог-файл.

— Тим, осторожнее, если сработает внутренняя защита, нас заблокирует и поднимет тревогу, — предупредила София, но уже сама прильнула к монитору, включая свои аналитические способности.

Экран мигнул. По чёрному полю с бешеной скоростью побежали зелёные строчки дебаггера, обходя стандартные протоколы доступа. Айрат и Эрик подошли ближе, образовав вокруг стола плотное кольцо. Через пару секунд система выдала короткий мелодичный сигнал, и на мониторе открылась старая, отсканированная карточка архивного отчёта, датированная началом двухтысячных годов.

София вслух, чуть сбиваясь от волнения, зачитала всплывший на экране текст:

«Кейс №77. "Рождественский грош". Место обнаружения — окрестности Петропавловской церкви, село Касёво (ныне микрорайон города Нефтекамска). Предмет обладает уникальным свойством: при прямом контакте с отражающими или изобразительными поверхностями открывает локальный визуальный коридор к сокровенным мыслям, страхам или воспоминаниями субъектов в радиусе вре-

менной петли. Зафиксировано уникальное явление — артефакт полностью изменил историческую линию касёвского мастерового Антипа и сироты Михаила, предотвратив гибель семьи от голода в суровую зиму. Уровень опасности: минимальный. Сила артефакта подпитывается исключительно бескорыстными, чистыми действиями оператора».

Внизу электронной карточки стояла размашистая цифровая подпись: *«Исследовано и закрыто. М. И. Савельев. 2012 год».*

София замерла, уставившись в эти буквы. Савельев... Девичья фамилия её бабушки по материнской линии. Неужели это просто совпадение?!

Договорить она не успела. Вдруг наверху, за тяжёлым каменным сводом потолка, раздался гулкий, металлический скрежет. Серверный шкаф в лаборатории триста двенадцать кто-то с силой, в ручном режиме сдвинул с места. По узкой каменной лестнице вниз застучали быстрые, тяжёлые и до крайности встревоженные шаги.

Глава 5. Обычная наука

Шаги на каменной лестнице приближались с пугающей, обвальной быстротой.

Тимур лихорадочно рванул кабель из сервисного разъёма квантового терминала, мгновенно гася экран дебаггера, а Айрат на ходу задвинул деревянный ящик с архивными карточками. Эрик попытался незаметно вернуть сереб-

ряную монету обратно на бархатную подложку в лотке, но от непривычного волнения его огромные пальцы дрогнули, и потемневший грош с тонким, предательским звоном покатился под массивный дубовый стол, застряв в щели между каменными плитами пола.

Тяжёлая дубовая дверь в круглый зал распахнулась. На пороге стоял Матвей Иванович.

Его лаконичный тёмно-серый пиджак был расстёгнут, дыхание срывалось, словно он бежал через весь университетский кампус, а на высоком лбу поблёскивали мелкие капли пота. Руководитель клуба выглядел не просто взволнованным или рассерженным — в его серых глазах застыл глухой, первобытный страх человека, который едва успел предотвратить катастрофу. Он быстрым, цепким взглядом окинул притихших первокурсников, замерших у центрального терминала, а затем перевёл взор на стену, где в глубине резной рамы медленно, беззвучно гасли последние кристаллики морозного инея.

— Взломали панель... — Матвей Иванович тяжело, прерывисто выдохнул, и его глубокий баритон гулким эхом разнёсся по сводам подземелья. На его лице отразилось искреннее, ошеломлённое удивление. — Как? Там же комбинированный контур: старинный механический затвор и современная цифровая биометрия сетчатки. Это уровень выпускного зачёта первого курса! Вы вообще понимаете, что могли натворить, если бы активировали один из неизученных объ-

ектов?!

Ребята промолчали. Даже Тимур, всего минуту назад собиравшийся дерзко спорить с куратором из-за пропущенных лекций, теперь виновато опустил глаза и принялся с преувеличенным вниманием разглядывать носки своих кроссовок. София чувствовала, как щёки заливает жаркий стыд, но при этом украдкой бросила взгляд на карман пиджака руководителя — тот всё ещё оттопыривался под тяжестью спрятанного там предмета.

— Это серьёзнейший проступок и прямое нарушение устава, — Матвей Иванович нахмурился, и в его голосе проступили жёсткие, командирские нотки. — Я выдернул вас из общей массы потока, потому что поверил в ваш потенциал и в вашу зрелость. А вы в первый же учебный день устроили несанкционированный взлом закрытого хранилища.

Он подошёл к дубовому столу, опёрся о него ладонями и внимательно, по очереди посмотрел в глаза каждому из четырёх студентов:

— За ваше самоуправство вы временно лишаетесь электронного доступа в Тайную библиотеку. Ваши персональные коды в системе клуба заблокированы до особого распоряжения. А сейчас — забирайте свои рюкзаки и выметайтесь наверх. И с завтрашнего утра — марш на пары по общему расписанию факультетов!

Следующие несколько дней тянулись серой, вязкой, бесконечной лентой. Потоковые лекции в светлых стеклянных

аудиториях, конспекты по истории информатики, вводные семинары по основам алгоритмизации и теоретической механике — всё это, что для обычных вчерашних школьников казалось сложным, новым и пугающим, для их четвёрки было смертной скукой. Они не просто опережали программу — они мыслили в совершенно другой плоскости.

Аналитические матрицы и статистические выборки София расщёлкивала в уме быстрее, чем пожилой лектор успевал вывести их на голографическую доску. Тимур интуитивно видел архитектуру любого программного кода ещё до того, как преподаватель дописывал первую функцию, и откровенно зевал на заднем ряду, раздражённо поправляя очки. Айрат читал сложные кинематические схемы редукторов и промышленных манипуляторов как детские комиксы, а Эрик на практических занятиях на кафедре робототехники умудрился настроить тонкую калибровку тяжёлого сборочного привода на слух и ощупь за пять минут вместо положенных двух часов, чем довёл местного лаборанта до тихого ступора.

В среду, в большой перерыв между парами, они впервые собрались не в пыльном подземелье, а в шумной, залитой сентябрьским солнцем студенческой столовой нового кампуса. Пахло свежей выпечкой, ванильными булочками и крепким зерновым кофе.

Эрик, с трудом пристроивший свой огромный поднос, на котором громоздились две порции гречки с котлетами и три

стакана компота, тяжело опустился на стул рядом с Тимуром.

— Не могу больше, — глухо пробасил он, отправляя в рот полкотлеты. — У нас сегодня на практической механике препод полтора часа объяснял, как рассчитывается сопротивление соснового бруса на изгиб. У меня отец с закрытыми глазами по звуку топора определяет, где бревно треснет, а тут формулы на три доски!

— Это ещё цветочки, — хмыкнул Айрат, ковыряя вилкой салат и крутя свободной рукой колпачок от ручки. — Я утром к триста двенадцатой лаборатории подходил. Думал, может, Матвей Иванович остыл, разрешит хотя бы старые отчёты по Ангасяку дочитать. А там на двери новый электронный замок висит, и тишина мёртвая. Вахтёрша сказала, куратор наш вообще в Бирске не появляется — куда-то в область сорвался.

— В Уфу он сорвался, — негромко сказала София, помешивая ложечкой остывающий латте. — Помните его звонок в понедельник? Он сказал: «Не подпускайте к ней врачей до моего приезда. Буду в Уфе через час». Там что-то серьёзное случилось, ребята. Гораздо серьёзнее, чем просто старые рапорты исправника.

— Ага, только нас он от этого «серьёзного» отрезал намертво, — сердито фыркнул Тимур, даже не притронувшись к своей тарелке. На его скулах играли желваки. — Держит нас за зелёных первашей, которым рано знать правду. Я,

между прочим, перед тем как он спустился в подвал, успел скопировать зашифрованные заголовки свежих лог-файлов с центрального терминала.

София удивлённо приподняла брови:

— Когда ты успел?

— Когда ты табличку у пустой подушки разглядывала, — усмехнулся он. — Но защита там зверская, с обычного ноута в коридоре не вскроешь, нужно спокойное место и нормальная сеть.

Договорить он не успел — к их столику, широко улыбаясь, подошла рыжеволосая Катя с подносом в руках.

— Привет, Соф! А я тебя по всему этажу ищу, думала, ты уже в общагу убежала, — тараторкой заговорила соседка по парте, плюхаясь на свободный стул рядом и с неподдельным любопытством косясь на разношёрстную компанию за столом. — Ой, а вы с других факультетов? Не видела вас на нашем потоке.

— Привет, Кать. Это... ребята с робототехники и прикладной математики, вместе в олимпиадной секции участвуем, — ровно, без тени заминки ответила София, поймав одобрительный кивок Тимура.

Катя тут же махнула рукой на свой поднос с салатом и подалась вперёд, понизив голос до заговорщицкого шёпота:

— Ой, какая олимпиадная секция, вы бы слышали, что сейчас у нас в деканате творится! Я мимо кабинета нашего декана проходила — Аркадий Викторович там так распекал

старшекурсников за пропуски, что аж стеклянная дверь дребезжала! Говорят, он в прошлом бывший военный связист, у него дисциплина как на подводной лодке: три опоздания без справки — и сразу на ковёр к директору. Я теперь к его парам за двадцать минут приходить буду, ну его к лешему!

Эрик тихо хмыкнул в стакан с компотом, а Тимур украдкой переглянулся с Софией: знала бы Катя, что их четвёрку деканский гнев вообще не касается — ведомости уже закрыты на семестр вперёд.

— Но это ещё ерунда! — тут же сменила пластинку Катя, и её глаза азартно блеснули. — Мне девчонки с третьего курса по большому секрету разболтали про посвящение в студенты. Оно у нас в самом конце сентября будет, в пятницу вечером.

— И что там, обычный концерт в актовом зале с песнями под гитару? — лениво поинтересовался Айрат, крутя в пальцах чайную ложку.

— Как бы не так! — фыркнула Катя, оглядываясь по сторонам, словно выдавала государственную тайну. — Это, конечно, только слухи, старшекурсники официально молчат, как партизаны, но говорят, в Бирске своя, особая традиция! Сначала первокурсников ночью вывозят на старый купеческий причал у реки Белой без телефонов и фонариков. Там нужно в полной темноте пройти полосу препятствий по старым деревянным мосткам, чтобы не свалиться в воду, а потом — внимание! — выпить из одной большой медной бра-

тины «бирский эликсир». Никто толком не знает, что в него намешано: говорят, туда льют местный липовый мёд, крепкий травяной отвар, яблочный сок и щепотку речной соли, чтобы жизнь студенческая сладкой не казалась! А в самом конце каждый должен оставить свой отпечаток на старом чугунном колоколе у входа в корпус и принести клятву не прогуливать матан!

— Мёд с солью и ночной причал... Звучит как отличный план для выходных, — усмехнулся Эрик.

— Вот-вот! Так что готовьтесь, олимпиадники, отлынить не получится! — рассмеялась Катя, наконец принимаясь за свой салат.

Разговор плавно съехал на обычную студенческую суету, расписание и споры о том, в какой кофейне в центре города лучше варят раф. Но в глазах четверых заговорщиков уже горел общий, тайный огонёк — скучная неделя «обычной науки» явно подходила к концу.

Вечером того же дня София наконец-то добралась до своей комнаты в новом кампусном общежитии.

Здание студенческого городка построили совсем недавно на высоком берегу Белой: панорамные окна в коридорах, сенсорные замки на дверях, уютные блоки на две комнаты с собственной маленькой кухней и душевой. За первые дни суеты и подпольных вылазок у Софии толком не доходили руки разобрать вещи, и только сейчас она смогла по-настоящему обжиться.

Её соседкой по комнате оказалась всё та же неунывающая Катя из Стерлитамака. Половина комнаты Кати уже напоминала яркий творческий взрыв: над кроватью висела гирлянда с тёплыми лампочками, на столе громоздились разноцветные стикеры, плюшевый кот и стопка конспектов, расписанных неоновыми маркерами.

Свою половину София обустроила строго и аккуратно, в привычном стиле аналитика: на белом столе встал на подставку её новенький игровой ноутбук в защитной плёнке, рядом в идеальном порядке легли блокнот, стилус и кружка с уфимским сувенирным принтом. В шкаф перекочевали толстовки, джинсы и пара строгих рубашек.

— Слушай, Соф, у тебя тут как в операционной, ни одной лишней бумажки! — рассмеялась Катя, забираясь с ногами на свою кровать с чашкой какао. — Я так не умею, у меня через пять минут вокруг творческий хаос. Кстати, твой этот очкарик из столовой — Тимур, да? — он так на тебя смотрел, когда я подошла... Вы давно знакомы?

София замерла с вешалкой в руках, чувствуя, как к щекам неожиданно приливает лёгкое тепло.

— Да мы третий день знакомы, Кать, не выдумывай, — постаралась как можно спокойнее ответить она, захлопывая дверцу шкафа. — Просто на одном спецкурсе оказались. Он кодер толковый, вот и общаемся.

— Ну-ну, «кодер толковый», — хитро прищурилась соседка, но развивать тему не стала — в наушниках у неё за-

играла музыка, и Катя уткнулась в планшет с лекциями.

София присела на край своей кровати, достала смартфон и посмотрела на часы. Половина девятого вечера. Она вспомнила обещание у крыльца университета и нажала кнопку видеовызова.

Экран мигнул, и через пару секунд на дисплее появилось родное, чуть уставшее после работы, но такое тёплое лицо мамы. На заднем плане виднелась уютная уфимская кухня, где отец что-то сосредоточенно чинил за столом.

— Софка! Ну наконец-то, я уже телефон из рук не выпускаю! — обрадовалась мама, поправляя волосы. — Как ты там? Как комната, как соседка? Не обижают?

— Мам, всё прекрасно, честное слово, — искренне улыбнулась София, чувствуя, как от одного звука родного голоса отступает накопившееся за эти дни напряжение. — Комната светлая, новая, вид из окна почти на реку. Соседка Катя — девчонка весёлая, не соскучишься. На парах всё понятно, преподаватели сильные.

— Ну слава богу, — выдохнула мама, а с заднего плана донёсся густой, довольный голос отца:

— Я же говорил, в Бирске школа крепкая! Как ноутбук, Соф, не тормозит?

— Летает, пап, спасибо ещё раз! — София на секунду замялась, покрутила в пальцах край пледа и, стараясь придать голосу лёгкий, будничный тон, спросила: — Мам, слушай... я тут по городу гуляла, старинные дома рассматривала. Вспом-

нила, ты в детстве рассказывала, что бабушка в девичестве Савельевой была и что наш прапрадед Николай тоже отсюда, из Бирского уезда. А у нас в Уфе никого из дальних родственников с этой фамилией не осталось?

Мама на экране чуть удивлённо приподняла брови:

— Ого, на историю рода потянуло? Да нет, дочка, ветка почти оборвалась. Дед Николай был человеком закрытым, всю жизнь при каких-то казённых архивах и училищах состоял, детей у него мало было. Только бабушка твоя да её двоюродный брат, который ещё в девяностые куда-то на север уехал, с тех пор связь и потерялась. А что, встретила однофамильцев?

— Да так, в старых метрических списках в библиотеке фамилия мелькнула, вот и стало интересно, — мягко уклонилась от прямого ответа София, хотя сердце внутри тревожно ёкнуло. *«При каких-то казённых архивах и училищах состоял...»*

— Ну учись, историк ты наш, — тепло улыбнулась мама. — Не засиживайся допоздна, ложись спать вовремя. Завтра вечером снова созвонимся. Люблю тебя, целую.

— И я вас люблю, мам. Спокойной ночи.

Вызов оборвался. В комнате стало тихо — Катя уже мирно сопела под своим пледом, а за окном, над ночным Бирском, мягко светили умные фонари университетского кампуса.

София легла на подушку, глядя в тёмный потолок. Обычная студенческая жизнь вокруг была уютной, понятной и

безопасной. Но она уже знала: назад в эту тихую гавань дороги нет. В пятницу они соберутся у Тимура и откроют файлы куратора — чего бы им это ни стоило.

Глава 6. Сбой в реальности

В пятницу, сразу после окончания последней, невероятно нудной пары по инженерной графике, Тимур догнал друзей в гулком коридоре третьего этажа. Он нетерпеливо поправил сползшие очки и заговорщицки, понизив голос, прошептал:

— Всё, больше не могу слушать про допуски, посадки и устройство штангенциркуля, у меня сейчас процессор в голове расплавится. Короче, план такой. Родители сняли мне квартиру здесь, недалеко от центра. Собираемся там ровно через час. Нам нужно серьёзно поговорить, сложить пазл и взломать те заголовки, которые я скопировал в подвале.

София, Айрат и Эрик переглянулись и без лишних слов кивнули. Общая, опасная тайна уже связала их крепче любого университетского устава.

Квартира Тимура располагалась на втором этаже старинного купеческого особняка на улице Советской — с высокими лепными потолками, глубокими оконными нишами и толстыми, дышащими вековой прохладой кирпичными стенами.

Когда София, Айрат и Эрик поднялись на второй этаж и вошли в просторную гостиную, на большом круглом столе в центре комнаты уже гостеприимно жужжал мощный игровой

ноутбук хозяина. А у высокого окна с широким подоконником разворачивалась привычная для Бирска 2040 года картина: на внутреннем стекле мягко светился квадратный зелёный голографический QR-код, который проецировал маленький компактный модуль-маячок на присоске.

Прямо за стеклом, в густеющих осенних сумерках, плавно завис обтекаемый белый дрон-доставщик, тихо шелестя винтами. Тонкий синий луч его оптического сканера скользнул по стеклу, считывая голограмму, после чего внутри квартиры раздался короткий мелодичный звонок, а сам маячок мигнул ровным зелёным светом.

— О, ужин прилетел, — усмехнулся Тимур, подходя к окну.

Он откинул старинный латунный шпингалет, распахнул тяжёлую створку, впуская в комнату свежий речной ветер, и ловко снял с грузовой платформы дрона три горячие коробки с пиццей. Дрон коротко мигнул габаритами и бесшумно ушёл в вечернее небо, а Тимур закрыл окно и нажал кнопку на компактном проекторе — голографический код на стекле тут же погас.

Эрик с трудом, осторожно втиснулся в довольно хрупкий на вид современный дизайнерский стул, который под его весом жалобно скрипнул, но выдержал. Айрат привычно забрался с ногами на широкий подоконник, крутя в пальцах найденную в кармане латунную гайку, а София придвинула стул ближе к светящемуся монитору, пока Тимур расставлял

коробки на столе.

— Итак, команда, — Тимур деловито запер входную дверь на массивный засов, потёр ладони и открыл на ноутбуке самописную программу-анализатор. — Наш строгий куратор думает, что намертво заблокировал нам доступ в базу, но он недооценил мою скорость. Я успел скопировать зашифрованные заголовки свежих лог-файлов по Ангасяку и текущим инцидентам прямо перед тем, как он спустился по лестнице.

Тимур придвинул клавиатуру и лихорадочно застучал по клавишам. На его бледном, сосредоточенном лице заплясал ядовито-зелёный отсвет бегущих строчек дебаггера.

— Так, народ, расклад такой, — выдохнул он, поправляя дужку очков. — Прямой взлом серверов Матвея Ивановича — это цифровое самоубийство, нас выбросит из локальной сети в ту же секунду и поднимет тревогу в Управлении. Но я написал хитрый обходной скрипт. Он закидывает фальшивые диагностические пакеты данных в сервисный порт оптического сканера, подбирая зеркальный хэш-ключ куратора. Метод грубой силы, только в обёртке плановой проверки. Программе нужно время. Судя по плотности шифрования, у нас есть часа полтора, не меньше.

— Ну, значит, можно немного выдохнуть, — Айрат сладко потянулся на подоконнике и мягко спрыгнул на ламинат. — А то у меня от этой недели «обычной науки» желудок к позвоночнику прилип.

Эрик молча придвинул к себе самую большую коробку с мясной пиццей, подцепил огромными пальцами сразу два сочных треугольника и за пару укусов уничтожил половину. Ребята дружно потянулись к столу. Тёплая сырная тягучесть, пряный аромат томатов и базилика немного разрядили звенящее напряжение, державшее их с самого понедельника.

— Слушайте... — София сделала глоток горячего чая с чабрецом и обвела парней внимательным взглядом. — Мы ведь за эту неделю так и не поговорили толком друг о друге. Нас связал этот сумасшедший подвал и тест директора, но кто мы вообще такие? Откуда в нас эти «аномальные способности» и особая нейронная пластичность, про которую говорил Матвей Иванович?

В гостиной повисла уютная, задумчивая пауза, нарушаемая только тихим, мерным гудением кулеров игрового ноутбука да редким шелестом осеннего ветра за старинным окном.

— Ладно, давайте я начну, раз уж мы в моей берлоге, — Тимур откинулся на спинку стула, закинул руки за голову и усмехнулся. — Мои предки — казанские татары, но дед переехал сюда, в Бирск, ещё в советские годы, строить автоматические линии на заводах. У меня в семье все повёрнуты на идеальном порядке, логике и точных цифрах. Отец — ведущий системный архитектор в Уфе, человек жёсткий, считает, что мир держится только на расчёте и дисциплине. Я лет с семи вместо сказок на ночь читал мануалы по архитек-

туре сетей и языкам низкого уровня. Реальность для меня всегда была огромным набором алгоритмов. Если есть система, значит, её можно оптимизировать или взломать. Когда я проходил тот тест директора, я даже не думал над смыслом вопросов — я просто видел программные баги в самих математических матрицах. Наверное, поэтому меня и закоротило на кодинге.

— А у меня всё проще и сложнее одновременно, — Айрат криво усмехнулся, вертя в руках пустую жестяную баночку из-под газировки. — Я из Зауралья, из древнего бурзянского рода. Мой прадед был кузнецом на всю округу, дед — часовым мастером, к которому со всего района старинные ходики везли, а отец всю жизнь перебирает сложные движки. У нас это, походу, на уровне мышечной памяти в крови сидит. Я с детства вижу любой механизм как бы насквозь, в трёхмерном разрезе. Мне не нужны чертежи и инструкции, чтобы понять, как крутятся шестерёнки и где заклинил подшипник. Помните ту дубовую оглоблю из отчёта восемьдесят четвёртого года, которая «плавала по ветру»? Когда я читал эти строчки, мой мозг выдал не уездную чертовщину, а чёткую кинематическую схему распределения векторов кинетической энергии. Время для меня — это огромный, чертовски сложный механический хронометр. И мне до боли в зубах хочется узнать, какая главная пружина его запускает.

Ребята повернулись к Эрику. Парень неторопливо дожевал свой кусок, аккуратно вытер руки бумажной салфеткой и

тяжело вздохнул, отчего его широкая грудь под тёмной курткой-бомбером глухо вздыбилась.

— Моя семья из Мишкинского района, из глухой деревни, — негромко, но удивительно густо и весомо пробасил Эрик, глядя на свои огромные ладони. — У нас там до сих пор по-настоящему верят в живую силу природы, в священные рощи, в то, что у каждой вещи есть свой дух и свой характер. Отец — потомственный плотник, строит деревянные срубы без единого гвоздя, на века. Сила во мне от него. Но дело не только в мышцах. Я руками чувствую внутреннюю плотность вещей. Старый камень, мореный дуб, кованое железо, старинная кирпичная кладка — я кожей чувствую, где у них точка излома, где пустота, а где настоящая опора. Потому и пошёл на робототехнику, хочу скрестить это природное ощущение с современным металлом. А в Тайной библиотеке я просто приложил ладонь к стене и понял: эта кладка живая, она дышит. Тот потемневший кирпич, по которому я врезал, был просто заклинившей деталью старого затвора, его надо было сдвинуть на место...

— Ну а ты, Соф? — Тимур повернулся к девушке, и в его взгляде за стёклами очков мелькнул тёплый, искренний интерес. — Твой черёд. Почему аналитика?

София опустила взгляд на свои тонкие пальцы, сжимающие кружку с остывшим чаем. Она вспомнила белый кроссовер родителей, недавний вечерний звонок маме и ту оглушительную, ледяную вспышку «стоп-кадра» на крыльце уни-

верситета в первый день сентября.

— Я из Уфы, — тихо начала она. — У меня обычная семья: папа инженер-строитель, мама экономист. Но у меня с детства была странная особенность: я моментально замечаю любые скрытые закономерности. Текст, массивы цифр, поведение людей, разрозненные исторические даты — я вижу между ними невидимые нити, словно красные линии на карте следователя. Могу сопоставить терабайты хаотичных данных и за минуту найти одну маленькую нестыковку, которая ломает всю картину. IT-аналитика — это моё всё. И тот стопкадр на крыльце, когда я увидела вас троих ещё до входа в здание... я до сих пор не понимаю, как это сработало.

София замолчала на секунду, колеблясь, но потом решилась и подняла глаза на парней:

— Но дело не только в этом. Помните, когда мы в подвале открыли электронный отчёт о «Гроше», внизу стояла подпись: *«М. И. Савельев»*? Так вот, Савельева — это девичья фамилия моей бабушки по материнской линии. Я позавчера звонила маме, и она подтвердила: мой прапрадед Николай Савельев был родом из Бирского уезда и всю жизнь состоял при каких-то закрытых казённых архивах и училищах. Мне кажется, Матвей Иванович выбрал нас не случайно. Он скрывает от нас что-то очень личное. Что-то, что напрямую связано с нашими семьями и этим городом.

В гостиной на секунду повисла тишина — каждый примерял слова Софии на себя.

И именно в этот миг игровой ноутбук на круглом столе выдал резкий, торжествующий электронный писк. Тёмный экран коротко мигнул, и бесконечные зелёные строчки подбора ключей сменились строгим, синим интерфейсом закрытой базы данных Тайной библиотеки.

— Есть! — победно вскрикнул Тимур, едва не подпрыгнув на стуле и хватаясь за мышку. — Обходной шлюз открыт! Свежие логи авторизации Матвея Ивановича у нас в руках! Ребята, идите сюда...

Ребята мгновенно сгрудились вокруг стола. Тимур быстро защёлкал по клавишам, разворачивая зашифрованный лог-файл, помеченный грифом высшего уровня секретности. Экран ноутбука высветил свежую системную карточку, созданную куратором в тот самый понедельник, прямо перед его поспешным отъездом из лаборатории.

— Так, смотрите, — Тимур приблизил текст, и его лицо мгновенно стало серьёзным. — Это не полевой выезд на раскопки и не поиск старых железяк. Наш куратор ездил в Республиканскую клиническую психиатрическую больницу в Уфу.

— В психушку? — Айрат недоумённо приподнял брови, подаваясь вперёд. — Зачем?

— Читайте отчёт, — София указала пальцем на бегущие по экрану строчки, и её ум моментально начал выстраивать связи между сухими медицинскими терминами и темпоральной теорией:

«Объект: Каримова Алина Д., двадцать два года. Доставлена бригадой скорой психиатрической помощи из Дюртюлинского района. Наблюдается острая фаза диссоциативного расстройства идентичности, сопряжённая с тотальным ложным конструированием реальности».

— Ничего не понимаю, — глухо пробасил Эрик, вчитываясь в монитор через плечо Тимура. — Ну, попала девушка в беду, сошла с ума, при чём тут наш Тайный клуб?

— А вот при чём, — София сглотнула вставший в горле ком и зачитала личные комментарии Матвея Ивановича, прикреплённые к делу: — *«Внимание: случай не является клиническим безумием. Налицо классический симптом "хроно-вытеснения". Пациентка детально, с абсолютной точностью описывает свою семью, называет фамилии, имена, даты рождения, мельчайшие события своей жизни... Вот только по всем базам данных ЗАГСа и государственным архивам этих людей никогда не существовало. Но самое страшное — Алина была обнаружена в чужой квартире в Дюртюлях. Она утверждает, что родилась и всегда жила именно там, помнит цвет обоев в детской, царапину на подоконнике и трещину на потолке. Однако реальные хозяева квартиры, проживающие там последние двадцать лет, видят её впервые. Её воспоминания материальны и абсолютно логичны, но физически этой ветви реальности больше нет. История была переписана, а Алина осталась единственным живым свидетелем стёртого прошлого. Местные врачи, ра-*

зумеется, признали её невменяемой и заперли в закрытом отделении».

В комнате воцарилась тяжёлая, удушливая тишина. На плечи первокурсников разом обрушилось осознание того, что код времени, о котором спокойно рассуждал куратор, прямо сейчас безжалостно сжирает чьи-то жизни.

— Хроно-вытеснение... — Тимур медленно снял очки и потёр переносицу. — Это значит, что кто-то в прошлом сделал один неверный шаг, изменил ветку истории, и вся её семья просто... испарилась? А её сознание застряло между двумя версиями вселенной?

— Именно, — София поднялась со стула, её сердце бешено колотилось. — И если Матвей Иванович так взволнованно сорвался туда, значит, этот сбой произошёл совсем недавно. Ветви реальности начали ломаться прямо сейчас.

Она не успела договорить. В этот момент на ноутбуке тревожно замигал красный индикатор системного монитора, а из динамиков раздался резкий, нарастающий гул, подозрительно похожий на тот ультразвуковой писк, который они слышали в Тайной библиотеке перед срабатыванием защиты.

— Сними этот индикатор, Тим, — София решительно махнула рукой, обрывая системный писк. — Нам сейчас не до логов безопасности, сохрани локальную копию файла и обрубай соединение с сервером.

Тимур послушно ткнул в клавишу, разрывая канал свя-

зи, и гостиная снова погрузилась в тишину. Но атмосфера в комнате купеческого дома изменилась безвозвратно. Студенты сидели, подавленные сухими, беспощадными строчками отчёта.

— Мне её жаль, — тихо, но очень весомо произнёс Эрик, и его огромный кулак тяжело опустился на край круглого стола. — Представьте, что вы возвращаетесь домой, открываете дверь своим ключом, а там чужие люди. И твоей мамы, твоего отца... их вообще никогда не было на свете. Это же... страшнее смерти.

— Это должно стать нашим первым настоящим делом, — азартно блеснул глазами Айрат, подаваясь вперёд. — Матвей Иванович учит нас по пыльным бумажкам столетней давности. А тут — живой сбой прямо перед глазами! Мы обязаны разобраться, в какой точке излома переписали её реальность.

— Легко сказать, — Тимур скептически хмыкнул, возвращая очки на переносицу. — Девушка заперта в закрытом отделении республиканской клиники в Уфе. Туда даже родственников со скандалом пускают. А мы кто? Четыре первашка с планшетами.

— А куратор как туда прошёл? — София быстро задвигала пальцем по тачпаду, возвращаясь к корневому каталогу скачанной папки. — У него должен быть служебный документ, обоснование для главврача или... Стоп. Смотрите сюда.

На экране развернулся скан личного удостоверения Мат-

вея Ивановича, прикреплённый к его командировочному рапорту. Жёсткая пластиковая карточка с государственным гербом, сложными защитными голограммами и встроенным крипточипом. Но название ведомства заставило Тимура тихо присвистнуть, а Айрата — замереть.

«Управление "Т" ФСБ России. Специальный комитет по контролю за информационной и темпоральной безопасностью».

— Ничего себе факультативчик... — пробормотал Тимур, округлив глаза. — Наш Матвей Иванович — полковник ФСБ? Мы что, вляпались в государственную тайну высшего разряда?

— Теперь понятно, почему директор института перед ним по струнке ходит и зачёты автоматом закрывает, — хмуро констатировал Эрик.

— Это меняет дело, — София резко выпрямилась, и её мозг выдал дерзкий, почти безумный план. — Раз ведомство Матвея Ивановича настолько засекречено, его рядовых сотрудников никто не знает в лицо. Тим, ты сможешь скопировать графический интерфейс этой карточки? Нам нужны четыре таких же электронных удостоверения. С ними нас пропустят в любую палату Уфы.

Кодер на секунду завис, оценивая риски и сложность задачи, но затем на его лице расплылась хищная хакерская улыбка:

— Подделать дизайн — раз плюнуть. Защитные голограм-

мы и водяные знаки я сгенерирую через локальную нейросеть. Но нам нужен промышленный ламинатор, специальный многослойный пластик и, главное, программатор, чтобы вшить в чипы правильный зеркальный код доступа. На обычном принтере это не напечатаешь.

— В лаборатории робототехники в старом крыле нашего корпуса всё это есть, — Айрат хлопнул ладонью по колену, подхватывая куртку. — Там как раз стоит современный станок для выпуска умных кампусных карт и пропусков. Сегодня вечер пятницы, кое-какие вечерние занятия у старшекурсников и аспирантов ещё идут, так что главный корпус открыт. Мы успеем затеряться в толпе и воспользоваться оборудованием, пока лаборанты пьют чай в подсобке.

Ребята переглянулись. Страх перед строгим куратором и уголовным кодексом мгновенно растворился в мощной волне студенческого азарта и желания помочь незнакомой девушке.

— Собираем вещи, — скомандовала София, захлопывая ноутбук Тимура. — Идём в университет.

Глава 7. Ночная смена

Вечерний сентябрьский Бирск встретил четвёрку первокурсников прохладным, влажным ветром, тянувшим со стороны реки Белой. Сумерки в конце сентября сгущались быстро: старинные купеческие особняки на Советской уже погрузились в густую тень, а вдоль тротуаров мягко зажглись умные уличные фонари, отбрасывая на влажный от росы ас-

фальт ровные круги тёплого света.

Ребята шли быстрым, слаженным шагом, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. В карманах куртки Тимура тихо побрякивали кабели и компактный скан-модуль, а София крепко прижимала к себе рюкзак, в котором лежала флешка с перехваченным шаблоном удостоверения Матвея Ивановича.

— Так, проверяем легенду ещё раз, — негромко на ходу проговорила София, бросая быстрый взгляд по сторонам. — Если на вахте сидит дежурный, мы идём на кафедру робототехники доделывать макет для межвузовского конкурса. Эрик и Айрат — студенты этого факультета, пропуска в кампус у них легальные. Мы с Тимом — приглашённые программисты с IT-потока. Главное — не суетиться и не отводить глаза.

— Да не переживай ты так, Соф, — ухмыльнулся Тимур, на ходу поправляя очки. — В пятницу вечером на вахте обычно дежурит дядя Миша. Он в восемь часов включает сериал на планшете и вообще никого не замечает, лишь бы турникет зелёным пикнул.

Так и вышло. Главный корпус университета в этот час выглядел непривычно пустым и гулким. Шумный дневной поток студентов давно схлынул в общежития и городские кофейни. В просторном холле горело лишь дежурное освещение, а пожилой вахтёр за стеклянной перегородкой действительно увлечённо смотрел что-то в наушниках, даже не под-

няв головы, когда четвёрка приложила к считывателям свои обычные кампусные браслеты.

Ребята миновали турникет и быстрым шагом направились в переход, ведущий в старое крыло здания — туда, где размещались мастерские и лаборатории факультета робототехники и машиностроения.

Здесь атмосфера менялась мгновенно. Вместо стеклянных перегородок и светлых панелей нового корпуса вокруг тянулись высокие сводчатые коридоры старой кирпичной кладки с гулкими чугунными лестницами и тяжёлыми дубовыми дверями. Из-за пары дверей в начале коридора ещё доносился приглушённый гул станков и голоса аспирантов, засидевшихся над дипломными проектами, но чем дальше ребята уходили вглубь крыла, тем тише становилось вокруг.

Когда они свернули в тупиковый аппендикс перед лабораторией прототипирования и умных систем, Айрат резко вскинул руку, останавливая группу.

— Приплыли, — тихо, сквозь зубы ругнулся он, вглядываясь в массивную металлическую дверь. — Закрыто. Лаборанты, походу, пораньше домой свалили.

На косяке двери, прямо над ручкой, тускло светился холодный синий квадрат сенсорного электронного замка с биометрическим считывателем.

— Ну уж нет, мы не повернём назад из-за какой-то цифровой задвижки, — Тимур решительно шагнул вперёд, сбрасывая с плеча рюкзак. — Зря мы, что ли, пиццу не доели?

Эрик, встань на углу коридора и прикрой обзор со стороны лестницы. Айрат, подсвети панель сбоку, чтобы я маркировку контроллера видел.

Эрик молча кивнул и отошёл на пару шагов назад, перекрыв своей широкой фигурой проход. Айрат достал смартфон, включил направленный фонарик и прикрыл луч ладонью, чтобы свет не бил в дальний конец коридора.

Тимур извлёк из кармана компактный беспроводной скан-модуль размером со спичечный коробок, подключил его к своему телефону и приложил плоский магнитный датчик прямо к нижней кромке синего считывателя.

— Так... посмотрим, что тут у нас за прошивка, — зашептал кодер, лихорадочно застучав пальцами по сенсорному экрану. — Ага, стандартный кампусный шлюз «Бирск-Секьюрити». Защита от дурака, шифрование симметричное. Сейчас я перехвачу служебный пакет опроса сети и подсуну ему зеркальный токен лаборанта...

София стояла рядом, вслушиваясь в каждый шорох пустого здания. Сердце колотилось где-то в горле. Её мозг то и дело прокручивал возможные сценарии: что будет, если сработает тихая сигнализация на пульт охраны? Что, если прямо сейчас вернётся Матвей Иванович из Уфы?

Прошла минута. Две. На экране телефона Тимура бежали строки системного лога.

— Давай, родной, не тупи... — прошипел Тимур, нервно поправляя сползшие очки. — Есть! Локальный кэш прогло-

тил подмену!

Внутри дверного косяка раздался едва слышный механический щелчок, замок коротко пискнул, и холодный синий квадрат сменился ровным зелёным светом.

— Готово, — выдохнул Тимур. — Внутрь идём мы с Айратом: он запустит калибровку промышленного принтера и ламинатор, а я перепрошью крипточипы по шаблону куратора. Соф, Эрик — вы остаётесь в коридоре на стрёме. Если кто-то появится — сразу стучите два раза в дверь и делайте вид, что просто ждёте преподавателя.

Тимур и Айрат тенями скользнули в тёмную лабораторию, плотно прикрыв за собой тяжёлую дверь.

В коридоре снова повисла тишина. София прислонилась спиной к прохладной стене, скрестив руки на груди, а Эрик принялся неспешно расхаживать вдоль окна, поглядывая на тёмный университетский двор. Из-за закрытой двери лаборатории вскоре донёсся еле уловимый, технологичный гул запускаемого оборудования и мерное жужжание промышленного ламинатора.

Время тянулось мучительно, невыносимо медленно. Минута казалась часом.

— Слушай, Соф... — тихо, глухим басом нарушил молчание Эрик, останавливаясь напротив неё. — А ты сама-то не жалеешь, что мы во всё это влезли? В смысле... могли бы сейчас в общаге чай пить, к сессии готовиться. А вместо этого подделываем документы ФСБ.

— Не знаю, Эрик, — честно призналась София, глядя на тусклую лампу под потолком. — Но когда я вспоминаю ту карточку про Алину... Представь, что ты просыпаешься утром, а твоей мамы и твоего дома просто нет. И никто вокруг тебе не верит. Если у нас есть шанс хоть что-то понять и помочь — сидеть сложа руки было бы предательством.

Эрик медленно кивнул, в его тёмных глазах мелькнуло тихое уважение.

И в эту самую секунду в дальнем конце коридора, за поворотом у главной лестницы, раздались быстрые, тяжёлые и до крайности знакомые шаги.

У Софии внутри всё мгновенно оборвалось. Не сговариваясь, она коротко, отрывисто стукнула костяшками пальцев по двери лаборатории — два раза, как договаривались, — и шагнула на середину коридора.

Из-за угла стремительным шагом вышел директор института Раиль Ахметович. В руке он держал ту самую плотную серую папку, с которой приходил к ним в аудиторию первого сентября. Увидев у закрытой лаборатории студентов, директор резко затормозил, нахмурился и строго поправил очки:

— Так, а это что ещё за ночные посиделки в закрытом крыле? — его голос гулко разнёсся по пустому коридору. — Юсупов... нет, Изибаев, Савельева? А вы почему не в общежитии? На часах почти девять вечера! Лаборатория закрыта, все занятия давно окончены!

Эрик мгновенно растерялся. Он начал неловко перемі-

наться с ноги на ногу, пряча свои огромные кулаки в карманы куртки-бомбера.

— Мы... это... Раиль Ахметович... — глухо пробасил он, уставившись куда-то в потолок. — Инженерную графику... сверяли. По чертежам...

Директор подозрительно прищурился, перевёл взгляд с красного от смущения Эрика на закрытую дверь лаборатории, где, к счастью, станок в этот момент затих, и уже потянулся рукой к дверной ручке, чтобы проверить замок.

В эту долю секунды София сделала шаг вперёд, виртуозно перехватывая инициативу и прикрывая собой дверь:

— Добрый вечер, Раиль Ахметович! Извините, пожалуйста, за задержку! — её голос прозвучал удивительно чисто, спокойно и уважительно. — Мы здесь ждём старосту четвёртого курса с кафедры прикладной информатики. Он обещал вынести нам из методического шкафа архивные сборники олимпиадных задач для первокурсников, но, кажется, задерживается на совещании. Мы как раз две минуты назад решили, что ждать больше нет смысла, и собирались уходить, чтобы не нарушать режим кампуса.

Безупречная логика аналитика и абсолютное спокойствие сработали безотказно. Рука директора замерла в сантиметре от ручки, а подозрительный прищур на его лице сменился усталой, но одобрительной усмешкой:

— Похвально, Савельева, что с первых дней учёбы думаете об олимпиадах. Не зря мы вас в спецгруппу отобрали.

Но методички подождут до понедельника, а старшему курсу я ещё напомню про дисциплину. Давайте, освобождайте коридор, через десять минут охрана ставит крыло на ночную сигнализацию.

— Да, конечно, уже уходим! Хорошего вам вечера, Раиль Ахметович! — мило улыбнулась София, делая вид, что поправляет лямку рюкзака.

Директор коротко кивнул, развернулся и неторопливо зашагал обратно к главной лестнице.

София и Эрик стояли не шелохнувшись, пока его шаги окончательно не стихли внизу, а тяжёлая дверь перехода не захлопнулась. Стоило последнему звуку растаять, как Эрик шумно, с облегчением выдохнул, вытирая ладонью выступивший на лбу пот:

— Ну ты даёшь, Соф... У меня аж душа в пятки ушла. Думал, сейчас вскроет дверь — и привет, отчисление по статье.

В ту же секунду дверь лаборатории бесшумно приоткрылась, и в коридор выскользнули взволнованные, но сияющие Тимур и Айрат. Тимур крепко сжимал в руке четыре новенькие, идеально заламинированные пластиковые карточки.

В тусклом свете коридорной лампы на гладком пластике тускло переливались защитные голограммы, двуглавый орёл, их фотографии, подтянутые из университетской базы, и строгая, внушающая трепет надпись: *«Управление "Т" ФСБ России. Специальный комитет по контролю за информационной и темпоральной безопасностью»*.

— Зеркальный криптокод вшит в чипы, — победно прошептал Тимур, раздавая карточки друзьям. — Цифровой слепок удостоверения Матвея Ивановича один в один.

— Уходим, быстро, пока сигнализацию не включили, — скомандовала София, пряча свой пропуск во внутренний карман толстовки. — Завтра в семь утра встречаемся на автовокзале. Едем в Уфу.

Глава 8. Окно в чужую боль

Субботнее утро началось с тревожных звонков и вынужденной лжи. В семь утра на бирском автовокзале было зябко и многолюдно: над рекой стелился густой белёсый туман, а у посадочных платформ мягко урчали моторами междугородние электробусы «Башавтотранса».

Пока парни покупали билеты до Уфы и брали в киоске горячий чай в бумажных стаканчиках, София отошла к краю перрона и набрала номер мамы. Совесть неприятно скребла — врать родителям она не привыкла, но объяснить им, зачем первокурсница на первых же выходных тайком срывается в столицу с тремя парнями, было невозможно.

— Алло, мамуль, доброе утро, — постаралась как можно бодрее произнести София, прижимая телефон к уху. — Я предупредить, чтобы вы с папой сегодня меня не ждали. У нас тут для олимпиадной группы поставили внеплановую субботнюю практику и отработку по анализу данных, до вечера просидим в корпусе.

— Ох, Софка, ну что за нагрузка с первой недели! —

вздохнула мама в трубке. — Мы с отцом уже пирог с яблоками испекли, думали, к обеду приедешь. Ну раз учёба — ничего не поделаешь. Только не засиживайся там до темноты и поешь нормально, хорошо?

— Обязательно, мам, целую вас! — София сбросила вызов, чувствуя, как на душе стало тяжело. Тимур, Айрат и Эрик, судя по их виноватым, хмурым лицам у кассы, только что прошли через точно такие же разговоры со своими семьями.

Через десять минут четвёрка уже сидела в конце просторного салона междугороднего лайнера. Машина плавно выехала за окраину Бирска и набрала крейсерскую скорость на обновлённой уфимской трассе. За панорамными окнами проплывали башкирские перелески, тронутые первой осенней позолотой, убранные поля и тихие деревни.

В карманах курток тяжёлым, опасным грузом лежали поддельные пластиковые удостоверения. Всю дорогу Тимур нервно постукивал пальцами по колену, София задумчиво смотрела на пролетающие за окном столбы, а Эрик молча дремал, прислонившись плечом к стеклу.

Через полтора часа впереди показались высокие стеклянные башни и знакомые кварталы Уфы. Добравшись на городском шаттле до нужного района, ребята вышли на тихой, обсаженной старыми тополями улице.

Республиканская клиническая психиатрическая больница встретила их давящим серым бетонным забором и глухим

кирпичным зданием контрольно-пропускного пункта. Внутри у всех разом похолодело.

— Так, спины прямо, лица кирпичом, — тихо скомандовал Тимур, поправляя очки. — Мы не студенты. Мы при исполнении. Говорю я, остальные молчат и делают суровый вид.

Ребята уверенно толкнули тяжёлую дверь проходной. В тесном помещении пахло дешёвым табаком, старой бумагой и лекарствами. За узким окошком, отгороженным металлической решёткой, сидел пожилой усатый охранник в поношенной форме ЧОПа и лениво разгадывал сканворд.

Тимур шагнул к стойке первым и с резким, эффектным щелчком выложил на прилавок своё новенькое заламинированное удостоверение.

— Добрый день. Специальный комитет по контролю за информационной и темпоральной безопасностью, Управление «Т», — отчеканил кодер максимально низким, начальственным голосом. — Нам необходим немедленный доступ в закрытое отделение к пациентке Каримовой Алине. Содействие по линии госбезопасности.

Охранник медленно оторвался от сканворда. Он лениво скосил глаз на сверкающий голограммами пластик, затем перевёл тяжёлый, оценивающий взгляд на худощавого паренька в очках, на хрупкую девушку в толстовке, на взъерошенного Айрата и на огромного Эрика, который с трудом втиснулся в дверной проём проходной.

Несколько секунд в будке стояла гробовая тишина. А затем усатый чоповец вдруг откинулся на спинку стула и оглушительно, обидно расхохотался:

— Ха-ха-ха! Ну и цирк с утра пораньше! Вы откуда такие артисты выискались, из театрального, что ли?!

У Тимура мгновенно вспыхнули уши, но он попытался удержать тон:

— Гражданин, вы препятствуете работе...

— Да я тебе сейчас так «попрепятствую», шпион липовый! — сквозь смех проворчал охранник, небрежно швыряя карточку обратно в окошко. — «Комитет по времени»! «Управление Т»! Вы бы ещё пропуск на межгалактический крейсер нарисовали и герб приклеили! А ну-ка, марш отсюда за ворота, пока я наряд полиции не вызвал за подделку документов! Идите, уроки учите, фантазёры!

Спорить было бесполезно — ещё секунда, и охранник действительно потянется к тревожной кнопке. Подхватив с прилавка отвергнутый пластик, четвёрка молча, с пылающими от стыда и досады лицами выскочила из проходной обратно на улицу.

Они отошли подальше от ворот и свернули в глухой, безлюдный больничный переулок, тянувшийся вдоль бесконечного серого забора клиники. Здесь не было ни камер, ни прохожих — только прелые листья под ногами и сырой осенний

ветер.

— Ну и что теперь делать? — Тимур со злостью запихал бессмысленную карточку глубоко в карман. — План провалился с треском. Органы темпоральной безопасности засекречены настолько, что рядовой вахтёр считает их детской сказкой. Внутрь нас никто не пустит.

— Погодите киснуть, — Айрат вдруг хитро прищурился, оглянулся по сторонам и полез во внутренний карман своей толстовки. — Я тут перед выездом из Бирска подумал, что нам может понадобиться кое-что посерьёзнее пластика. Прихватил со стола в подвале, пока Эрик его сдвигал.

Он разжал ладонь. На его пальцах в тусклом осеннем свете призывно и мягко блеснул тот самый старинный серебряный грош, покрытый тонким морозным узором.

— Ты с ума сошёл?! — ахнула София, округлив глаза. — Ты вынес артефакт из Тайной библиотеки?! Если Матвей Иванович узнает, он нас живьём закопает!

— Узнает — тогда и будем оправдываться, — упрямо отрезал Айрат, шагнув вплотную к бетонному забору. — Нам нужно увидеть Алину и понять, что с ней стряслось.

Он с силой прижал потемневшую монету прямо к шершавой серой плите забора.

Ничего не произошло. Секунда, две, пять — бетон оставался холодным и глухим, серебро не издало ни единого импульса.

— Не работает, — разочарованно выдохнул Тимур. — Ви-

димо, в уфимском бетоне нет нужной частоты.

— Стоп... Подожди! — внезапно воскликнула София. Её ум мгновенно сложил картинку из Тайной библиотеки и строки из электронной карточки Самойлова. — Там была картина! Деревянная рама! В отчёте сказано: «при контакте с изобразительными поверхностями открывает визуальный коридор»! Ему нужен контур! Окно!

Айрат тут же огляделся по сторонам, заметил у водосточной трубы осколок старого красного кирпича, подхватил его и повернулся к серой плите забора. Уверенными, размашистыми штрихами он быстро начертил на бетоне ровный прямоугольник, разделил его перекрестием рамы и пририсовал внизу широкий подоконник.

— А теперь... — прошептал механик и с силой прижал серебряный грош точно в центр нарисованного кирпичного окна.

В ту же секунду пространство в переулке со скрежетом вздрогнуло. Воздух обдало пронзительной январской стужей, пахнуло церковным ладаном и сухой берестой. Нарисованное кирпичом окно с тихим, зловещим треском покрылось толстой коркой искрящегося инея, а затем бетонная плита внутри рамки стремительно растаяла, превратившись в кристально прозрачное, живое стекло.

Четвёрка студентов замерла, прильнув к этому невероятному экрану.

Сквозь толщу забора открылся вид на уютную, залитую

утренним солнцем кухню обычной квартиры в Дюртюлях. За столом сидела красивая темноволосая девушка лет двадцати двух — Алина. Она весело смеялась над какой-то шуткой худощавого мужчины в очках, а рядом, улыбаясь, разливала по чашкам чай приветливая женщина в домашнем фартуке. Картина была настолько тёплой, живой и настоящей, что у Софии защемило сердце.

Но в следующее мгновение мир на экране страшно, беззвучно исказился.

Пространство кухни коротко, хищно мазнуло ядовито-багровым цифровым шумом. Раздался глухой, давящий на перепонки гул — и в один кошмарный миг всё, что Алина знала и любила, просто исчезло.

Отец и мама растворились в воздухе, словно их стёрли невидимым ластиком. Тёплые персиковые обои на стенах сменились чужими, выцветшими фотообоями, на столе вместо домашнего пирога появилась чужая посуда, а из коридора на кухню с испуганными криками выскочили совершенно незнакомые мужчина и женщина.

— Ты кто такая?! Как ты сюда попала?! — закричал незнакомец, хватая ошарашенную Алину за плечи и грубо выталкивая её из кухни в прихожую.

— Папа! Мама! — в ужасе закричала Алина, цепляясь за дверной косяк. Сквозь ледяное стекло до ребят в уфимском переулке доносились её отчаянные слёзы, дикая, невыносимая боль и сорванный голос: — Где моя мама?! Я всегда

здесь жила! Это моя комната! Помогите!

Никто ей не верил. Чужие хозяева вызывали полицию и скорую, соседи на лестничной клетке крутили пальцем у виска, а Алина билась в истерике на холодном полу подъезда, глядя на мир, который за одну секунду предал её и вычеркнул всю её жизнь.

Картинка в окне мигнула, переходя в другой кадр — тусклый, пропахший хлоркой коридор приёмного покоя психиатрической клиники. Санитары уже готовились увести рыдающую, обессиленную девушку в закрытую палату, но в этот миг распахнулись входные двери, и в коридор стремительным шагом вошёл Матвей Иванович.

Куратор властно отстранил санитаров, предъявив врачам своё удостоверение, подошёл к дрожащей Алине, бережно опустился перед ней на одно колено и обнял её за плечи. Он внимательно, не перебивая, выслушал её сбивчивый, полный отчаяния шёпот, а затем посмотрел ей прямо в глаза и твёрдо, с непоколебимой уверенностью произнёс:

— Я верю тебе, Алина. Ты не сошла с ума. И я обещаю, что найду способ всё исправить.

Живая картинка внутри кирпичной рамы резко схлопнулась. Иней мгновенно растаял, оставив перед ребятами обычный серый бетонный забор с неровным рисунком красного кирпича.

В переулке повисла тяжёлая тишина. София почувствовала, как по её щекам текут горячие слёзы, которые она даже

не пыталась вытирать. Всё их прежнее упрямство, обида на куратора за блокировку доступа и юношеская бравада рассыпались в прах.

— Вы видели его лицо? — тихо, сдерживая дрожь в голосе, спросила София. — Он не враг. Он не прячет от нас какую-то корысть. Он просто пытается спасти её в одиночку, потому что боится, что мы не выдержим.

Айрат медленно разжал пальцы. Серебряный грош, только что транслировавший чужую боль, мгновенно остыл и потемнел. Парень бережно опустил монету во внутренний карман толстовки.

— Нам здесь больше делать нечего, — глухо пробасил Эрик, поправляя воротник куртки-бомбера. — Пропуск ФСБ перед этим усатым в будке — пустая бумажка. Но теперь мы знаем правду. Матвей Иванович один пытается размотать эту петлю.

— Он не один, — резко перебил его Тимур. Кодер поправил очки, и его взгляд за стёклами стал пугающе собранным и решительным. — У него есть мы. Мы взломали его библиотеку, скопировали его логи... Думаете, после того, что мы сейчас увидели, можно просто вернуться на лекции по инженерной графике? Нет уж. Едем обратно в Бирск. Придём к нему и всё выложим.

София согласно кивнула. Аналитические шестеренки в её голове уже выстраивали новую цепочку фактов. Если Алина застряла между ветвями реальности в Дюртюлях, а её родо-

словная тянется в прошлое уезда, значит, точка темпорального излома где-то совсем рядом — в старом Бирске.

Спустя полчаса четвёрка первокурсников уже сидела в обратном электробусе, увозившем их на север. Стоило машине выехать из Уфы и набрать ход по трассе, как Тимур рванул молнию рюкзака и вытащил свой игровой ноутбук, а София пересела к нему на соседнее сиденье, заглядывая в экран. Пока Айрат гипнотизировал взглядом пролетающие за окном перелески, а Эрик хмуро сжимал свои тяжёлые кулаки, кодер и аналитик одержимо вгрызались в скопированные накануне файлы Тайной библиотеки.

Тусклый свет монитора подсвечивал их сосредоточенные лица. София выискивала скрытые паттерны и закономерности в оцифрованных архивных отчётах, а Тимур параллельно прогонял через поисковый скрипт все упоминания фамилии Каримовой и Дюртюлинского района.

И именно в этот момент, когда электробус слегка тряхнуло на стыке моста через реку, Софии на глаза попался тот самый строго засекреченный системный файл под кодом «355».

Система безопасности тут же выдала критическую ошибку, экран тревожно мигнул, и файл намертво заблокировал внутреннее содержимое, не дав открыть текст. Но за долю секунды до блокировки София успела рассмотреть прикреплённый к заголовку графический эскиз.

Это был детальный, чёткий чертёж старинных карманных

часов. Тонкие линии передавали массивный латунный корпус, паутину трещин на выпуклом стекле и сложную, затейливую гравировку в виде переплетенных дубовых листьев. Рядом успела мелькнуть короткая, обрывистая строка описания, от которой внутри всё сжалось ледяным узлом:

«Внимание! Первоисточник деструктивного хроно-импульса. Вызывает необратимые изменения физической метрики пространства, стирание семейных ветвей и хроно-вытеснение субъектов».

Электробус мерно гудел, увозя их дальше к Бирску, а София продолжала заворожённо смотреть на погасший монитор. Она думала о том, какая страшная, ломающая судьбы тайна скрывается за этими латунными часами — и где именно прямо сейчас находится их куратор.

Они возвращались в Тайный клуб уже не как любопытные первокурсники, ищущие приключений, а как полноценные участники большой и опасной игры со временем. По крайней мере, им так казалось.

Глава 9. Латунный резонатор

Вечер воскресенья выдался в Бирске тихим и промозглым. После возвращения из Уфы ребята почти сутки не выходили из съёмной квартиры на Советской: спорили до хрипоты, перечитывали открытые фрагменты архива Самойлова и пытались понять, как устроен механизм временных сдвигов.

Идея родилась у Айрата и Тимура ближе к вечеру. Если серебряный грош способен открывать окно сквозь слои реальности, значит, он излучает устойчивую темпоральную частоту. А любую частоту, если её точно замерить и развернуть в противофазе, можно использовать как щит — или как маяк. Но в квартире не было ни измерительных приборов, ни оборудования. Единственное место, где стояли высокочастотные осциллографы и компактная индукционная печь для прототипирования, находилось в старом крыле университета.

В восемь вечера четвёрка снова проскользнула в тёмный, гулкий коридор кафедры робототехники. Дежурный вахтёр как раз отправился в подсобку пить вечерний чай, а электронный замок лаборатории, в кэше которого всё ещё висел пятничный токен Тимура, открылся без единого писка.

Внутри стояла мёртвая, гулкая тишина. Верхний свет решили не включать — зажгли только локальные настольные лампы у инженерного верстака, чтобы с улицы через тёмные окна во внутренний двор университета не было видно ни единого отблеска.

— Так, железячники, время пошло, — негромко, но напряжённо скомандовал Тимур, сбрасывая рюкзак и разворачивая на рабочем столе свой ноутбук. — Обход ровно через сорок пять минут. Эрик, встань у самой двери и слушай коридор. Соф — следи за камерами и за внутренним двором через окно, если подъедет машина куратора, сразу давай сиг-

нал.

София молча кивнула и прильнула к краю тяжёлой шторы у тёмного стекла. Сердце глухо стучало в такт монотонному гудению вытяжной вентиляции. Мысль о том, что они снова нарушают все мыслимые правила и лезут в запретную зону, окончательно отступила перед чистым инженерным азартом.

Айрат тем временем действовал с поразительной, отточенной точностью, словно всю жизнь только и делал, что собирал приборы для взлома времени. Из металлического лотка с расходными материалами для отливки деталей он выудил небольшой брусок технической латуни, достал из шкафа графитовый тигель и включил индукционную печь.

— Не просто латунь, — пробормотал он себе под нос, проверяя маркировку сплава. — Высокое содержание меди и цинка, отличная проводимость, кристаллическая решётка пластичная, легко запоминает волновую модуляцию при остывании.

Бережно, двумя пальцами, Айрат вытащил из внутреннего кармана толстовки потемневший серебряный грош и опустил его на контактную считывающую платформу высокочастотного осциллографа.

— Тим, подавай питание на щупы! Лови сигнал! — шёпотом скомандовал механик.

Тимур защёлкал по клавишам, запуская самописный анализатор спектра. На тёмном дисплее осциллографа мгновенно побежала плавная, пульсирующая синусоида мягкого се-

ребристо-голубого оттенка. Древняя монета, вчера открывшая ледяное окно в Уфе, прямо сейчас делилась с ними своим скрытым темпоральным кодом.

— Вижу частоту! Структура поля идеальная, ни одной лишней гармоники! — зашептал кодер, лихорадочно копируя уникальный волновой профиль в память программы. — Айрат, плавь латунь, я уже разворачиваю эти волны в зеркальный алгоритм противофазы. Подадим импульсный ток прямо через расплав в момент кристаллизации, чтобы структура новой пластины намертво зафиксировала частоту гроша!

Внутри закрытой камеры индукционной печи вспыхнуло яркое, зеленовато-оранжевое свечение. Латунная заготовка на глазах превращалась в жидкое, переливающееся солнце. Айрат надел защитные перчатки, ювелирно ввёл в тигель тонкий графитовый электрод и замкнул контур, подавая промодулированный сигнал от компьютера Тимура прямо в кипящий металл.

По лаборатории поплыл резкий, щекочущий ноздри запах озона, нагретой канифоли и раскалённой меди.

— Держу частоту... Сбрасываю температуру... Фиксация... — сосредоточенно шептал Айрат, не отводя глаз от датчиков.

Спустя десять минут печь тихо щёлкнула, отключая нагрев. Айрат вытащил длинными щипцами из формы небольшую, быстро остывающую латунную пластину размером со

спичечный коробок. На её гладкой золотистой поверхности из-за электролиза проступили странные, тонкие чешуйчатые разводы, в точности повторяющие морозный узор старинного гроша.

— Готово, — выдохнул механик, опуская пластину в лоток охлаждения. — Решётка застыла ровно на зеркальной гармонике. Тим, припаивай шлейф и прошивай управляющий чип!

Тимур мгновенно подхватил ещё тёплую пластину, зажал её в держателе и быстрыми, точными движениями припаял к контактным площадкам компактный контроллер. Строчки кода на экране ноутбука побежали с бешеной скоростью.

— Я заливаю зеркальный алгоритм, — лихорадочно шептал кодер — Осталось собрать мобильный интерфейс, чтобы не таскать за собой этот громоздкий ноут.

Он отсоединил программатор от готовой латунной платы, которая всё ещё сохраняла едва ощутимое, наэлектризованное тепло, и подключил её через короткий экранированный кабель к сервисному порту своего смартфона. На дисплее телефона тут же развернулась мобильная среда разработки. Пальцы Тимура замелькали по сенсорной клавиатуре с невероятной скоростью, компилируя свежий софт. Ему нужно было создать понятный цифровой пульт, способный управлять зеркальным латунным чипом и визуализировать колебания невидимого темпорального поля.

— Есть! Компиляция завершена! — наконец прерывисто

выдохнул Тимур, утирая рукавом пот со лба.

Ребята мгновенно бросили свои посты. София отошла от прикрытого шторой окна, Айрат отложил щипцы, а огромный Эрик бесшумно шагнул от входной двери, и вся четвёрка первокурсников плотным кольцом собралась у смартфона со свежим приложением.

Интерфейс программы выглядел строго и футуристично. В самом центре экрана, на фоне тёмной координатной сетки, лениво пульсировал голубой круг, в точности повторяющий контуры лежащего рядом серебряного гроша. Ниже светилась всего одна крупная виртуальная кнопка: *«Блокировка / Противофаза»*.

— Запускаю тестовый контур, — прошептал Тимур и коснулся экрана.

Латунная платка на столе едва заметно зазудела, издавая тонкий, почти неслышный ультразвуковой свист. Голубой круг на дисплее телефона внезапно стабилизировался, вытянулся в идеальную ровную линию, а датчики зафиксировали устойчивый, чистый сигнал гашения, полностью перекрывающий излучение лежащей в пяти сантиметрах древней монеты. Их самодельный резонатор сработал безупречно. Впервые в жизни они не просто наблюдали за аномалией, а подчинили её себе.

И в этот самый миг за закрытой дверью лаборатории, в пустом и гулком коридоре университета, раздались тяжёлые, размеренные, уверенные шаги.

Ребята замерли, словно вросшие в пол. Лампа над столом выхватывала из полумрака их потрясённые лица и светящийся экран смартфона.

Массивная ручка двери лаборатории резко дёрнулась, электронный замок послушно пискнул, и на пороге выросла высокая фигура Матвея Ивановича.

Он зашёл молча, даже не пытаясь включить верхний свет. В густом полумраке комнаты его силуэт в тёмном плаще казался огромным и пугающим. Взгляд куратора медленно, тяжело скользнул по замершим у инженерного стола первокурсникам.

Ребята молчали, не зная, куда деть глаза. Воздух в лаборатории словно разом выкачали, оставив гнетущую пустоту.

— Что здесь происходит? — Матвей Иванович сделал шаг вперёд, и его глубокий баритон заставил Тимура непроизвольно втянуть голову в плечи.

Все снова промолчали. Никто не решался заговорить первым. Попасться с поличным в закрытом корпусе в воскресенье вечером, со взломанным замком и украденным артефактом на столе — это был абсолютный тупик.

Куратор хмуро, с тяжёлым разочарованием оглядел притихшую команду, а затем медленно зашагал мимо них к тёмному окну, за которым раскинулся вечерний Бирск. Проходя мимо верстака, его цепкий взгляд мгновенно выхватил из полумрака серебряный грош, лежащий на платформе осциллографа. Матвей Иванович на долю секунды замер, его

скулы сжались, но он не подал виду, продолжив движение. Он остановился у самого стекла, глядя на далёкие огни набережной.

— У меня из Тайной библиотеки пропала одна важная вещь... — негромко, стоя спиной к студентам, произнёс он. — Никто из вас не знает, куда она делась?

В ответ снова повисла мёртвая тишина. София чувствовала, как собственное сердце колотится где-то в горле.

— Тишина... — Матвей Иванович тяжело вздохнул, и в его голосе проступили ледяные, опасные нотки. — А теперь самое интересное. Мне вчера вечером звонили из Уфы, из республиканской клиники. И доложили, что какие-то малолетние гении светят на улице перед КПП секретными удостоверениями государственной важности. Что происходит, я спрашиваю?!

Все продолжали молчать, боясь выдать себя даже лишним вздохом.

Матвей Иванович, всё так же стоя спиной к ним и лицом к тёмному окну, резко сунул правую руку во внутренний карман пиджака. Он что-то достал оттуда. София, напрягая зрение в тусклом свете настольной лампы, отчётливо увидела, как в его пальцах тускло блеснул массивный латунный корпус, а большой палец судорожно крутанул заводное колёсико.

Изломанный механизм внутри латунного корпуса шёл вхолостую, намертво заблокированный их новым приложе-

нием, тихо гудящим на столе.

Поняв, что артефакт мёртв и поле глушится прямо здесь, в этой комнате, Матвей Иванович спешно убрал часы обратно в карман. Он резко развернулся, в два шага подлетел к верстаку и с силой указал пальцем на светящийся экран смартфона, где продолжал пульсировать голубой круг зеркальной программы Тимура:

— Что. Это. Такое?!

София сделала глубокий, судорожный вдох и шагнула вперёд, заставив себя смотреть прямо в суровые, разъярённые глаза куратора:

— Это глушилка, Матвей Иванович. Зеркальный темпоральный резонатор. Он блокирует аномальные импульсы в радиусе нескольких метров, копируя и разворачивая в противофазе частоту серебряного гроша.

В лаборатории снова повисла пауза, но теперь она была совсем другой.

Матвей Иванович медленно опустил руку. Его потрясённый взгляд метался от экрана смартфона к самодельной латунной платке на проводах, к осциллографу и обратно к спокойному, упрямому лицу Софии.

— Вы собрали частотный гаситель?.. По остаточному волновому следу монеты? За одну ночь? — его голос сорвался на хриплый шёпот.

Опытный инженер выглядел совершенно ошеломлённым. В эту секунду он осознал истинный масштаб этой четвёрки

первокурсников. Тест директора не ошибся ни на йоту — перед ним стояли не просто талантливые студенты, а настоящие самородки, способные за пару часов создать то, над чем закрытые лаборатории Управления бились годами.

Гнев на лице куратора медленно растворился, сменившись искренним изумлением, а затем и глубокой, гордой, хоть и усталой радостью.

— Невероятно... — Матвей Иванович медленно качнул головой и тихо усмехнулся. — Ну хорошо, хакеры и кузнецы. Забирайте своё чудо техники и монету со стола. Все вниз, в библиотеку. Нам предстоит очень долгий и честный разговор.

Спустя десять минут тяжёлый серверный шкаф в лаборатории триста двенадцать снова встал на место, а команда вместе с руководителем спустилась в круглый подземный зал. Матвей Иванович включил центральный терминал, бережно взял их латунную платку и подключил её через переходник к диагностическому стенду.

— Ваше изобретение — это колоссальный прорыв к реальным полевым действиям, — произнёс он, разглядывая идеальные графики стабильности поля на мониторе. — До сегодняшнего дня Управление «Т» умело только фиксировать сбои и оцифровывать их последствия. Мы были пассивными архивариусами. Но с этим резонатором мы сможем не только защитить себя во время перехода, но и удержать реальность таких людей, как Алина Каримова, от окончатель-

ного стирания.

Ребята переглянулись, чувствуя невероятное облегчение и гордость. Неделя скучных лекций и рискованный ночной взлом полностью себя оправдали.

— Матвей Иванович, — София подошла ближе к столу, её аналитический ум требовал закрыть главный пробел в системе уравнений. — Что такое Часы Жадовского? И зачем вы носите их с собой?

Куратор мгновенно подобрался. Тёплая улыбка исчезла с его лица, уступив место прежней строгой, закрытой сдержанности.

— У вас ещё не тот уровень допуска, София. Рано.

— Мы за три дня подделали ваши пропуска, взломали закрытую сеть, увидели историю Алины и собрали резонатор, который только что заблокировал ваше личное оружие! — София упрямо настаивала, глядя ему прямо в глаза. — Мне кажется, мы превзошли за эти дни многих ваших взрослых аналитиков. Расскажите нам правду.

Матвей Иванович долго молчал, негромко барабаня пальцами по краю дубовой столешницы. Он посмотрел на Софию, затем на Тимура, Айрата и Эрика. Наконец, он тяжело вздохнул и опустился на деревянный стул:

— Хорошо. Вы правы, вы заслужили право знать базовые вещи. Часы Жадовского — это уникальный латунный хронометр середины девятнадцатого века, внутри которого заперта мощнейшая временная аномалия. Они позволяли ан-

гасякскому помещику Анастасу Жадовскому буквально скакать по времени, заглядывать вперёд, собирать информацию о будущих торгах и ломать человеческие судьбы ради собственной выгоды. Именно из-за его бездумных прыжков код времени в Бирском уезде пошёл трещинами. Но сейчас... сейчас этот артефакт утерян для открытого мира, а его механизм повреждён. Это всё, что я могу вам сказать на данном этапе.

София невольно прикусила губу. Она чётко помнила чертёж из файла «355» и то, как Матвей Иванович всего пятнадцать минут назад судорожно крутил заводное колёсико в своём кармане у окна лаборатории. Куратор явно продолжал вести свою собственную, очень опасную двойную игру — и разгадывать её им предстояло самим.

Глава 10. Хозяин хронометра

Понедельник встретил Бирск удивительно светлым, тёплым и прозрачным осенним утром. Сентябрь в этих краях умел быть по-настоящему ласковым: невысокое солнце уже потеряло летнюю жгучесть, но всё ещё щедро заливало золотистым светом старинные купеческие улочки, круто спускающиеся к реке Белой.

София неспешно шла по кампусной аллее ко входу, сжимая в руке стаканчик горячего кофе. После вчерашнего ночного разговора в Тайной библиотеке внутри впервые за всю неделю поселилось странное, спокойное воодушевление. Ку-

ратор больше не смотрел на них как на случайных нарушителей режима, а их самодельный латунный резонатор занял почётное место на диагностическом стенде в подземелье.

У широких стеклянных дверей её уже ждали парни. Тимур, как обычно, листал ленту на смартфоне, Айрат крутил в пальцах какую-то латунную шайбу, а Эрик с аппетитом доедал горячую сосиску в тесте, купленную в кампусном автомате.

— О, Соф, доброе утро! — улыбнулся Тимур, убирая телефон в карман. — Выспалась? У меня после вчерашней калибровки стенда до сих пор в ушах слегка позванивает.

— Нормально, — улыбнулась она в ответ. — Готовы к «обычной науке»? Катя писала, что наш декан-связист уже у аудитории, списки проверяет.

Не успели они шагнуть в холл, как у всех четверых одновременно, с разницей в долю секунды, тихо вибрировали и пискнули смартфоны. София нахмурилась и разблокировала экран. В закрытом зашифрованном мессенджере Тайного клуба светилось короткое сообщение от Матвея Ивановича:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.